

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ



16+

ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА

Марина Индиви
Марина Эльденберт
Поющая для дракона
Серия «Огненное сердце
Аронгары», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68303804

SelfPub; 2024

Аннотация

В мире, где небо пронзают иглы небоскребов из огнеупорной стали, в мире, который когда-то был сожжен дотла, главенствуют иртханы – повелители драконов. Им подчиняются, их боготворят, им никогда и ни в чем не отказывают. Ну как никогда, я вот умудрилась отказать местру правящей семьи. Знать бы теперь, как сохранить работу, свою жизнь и... себя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	46
Глава 4	69
Глава 5	96
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Марина Эльденберт, Марина Индивиди Поющая для дракона

*Самым близким, которые всегда находят время
и нужные слова.*

*Читателям, вдохновляющим своей радостью и
комментариями.*

Эта история посвящается вам.

Глава 1

Свет был приглушен, по зале Ландстор Холл тянулся туман сигаретного дыма, ближе к сцене пожираемый пятном света, в котором застыли мы с Дрэйком. Играл он божественно, но все смотрели на меня. Я же не могла избавиться от странного чувства, словно чей-то взгляд приклеился ко мне, как бирка-липучка с дешевой одежды. Вот только взгляд этот дешевым не был, он был жестким, цепким, внимательным: так смотрят поклонники, от которых потом очень непросто отделаться. Музыка лилась, сплетаясь со словами песни – так же, как сливались воедино запахи крепкого табака, элитного алкоголя и дорогой кожи.

*– Этот мир без тебя, детка,
Словно злая тюрьма.
Обними меня крепко... крепко,
Или дай мне сойти с ума.*

Ленты платья стекали вниз, открывая ноги и туфельки на высоком каблуке – вызывающе, на грани приличий. Я сидела на краешке рояля, обнимая пальцами микрофонную стойку, как если бы она была продолжением меня. Смотрела в зал, в темноту – на всех и ни на кого. На столики и на ложи, которые могли себе позволить только самые обеспеченные посетители. На прикрытые дорогих портьер, которым затянут сцену чуть позже. На возносящиеся по бокам залы зеркальные витражи, внутри которых выюнами струились черные жилы узоров.

*– Там, где выжженный камень крошится,
Там, где море идет волной,
Целуй меня жадно... хороший мой,
Оттолкни или будь со мной.*

На последних аккордах и музыка, и мой голос скользнули ниже, чтобы спустя миг затихнуть и раствориться в буре оваций. Дрэйк выскользнул из-за рояля – высокий, темнокожий и статный, подал мне руку, чтобы помочь спуститься. Свет в зале набирал силу, светильники рассыпали сияние, позволяя расцвести ярким нарядам женщин, подчеркивая фракки

мужчин. Множество столиков, и все они заняты, сегодня не пустовала ни одна ложа. Я обвела их взглядом, послала в зал воздушный поцелуй и ослепительную улыбку.

– Спасибо! Спасибо вам всем за то, что пришли! Ландстор-Холл любит вас! Я вас люблю!

Затихавшие было аплодисменты гроыхнули с новой силой.

Только один мужчина сидел неподвижно: в центральной ложе. Опираясь о перила, – я видела его руку. А вот лица не видела, но почему-то казалось, что смотрел он в упор на меня. И от этого становилось не по себе.

– Мы тоже тебя любим, Бриаль! – взвизгнула подвыпившая светловолосая дама в сочном оранжевом платье. Уцепившись за своего спутника, она покачивалась на высоких шпильках, размахивая свободной рукой. Ей вторило еще несколько голосов, к которым присоединились со всех уголков залы, и несколько минут мы с Дрэйком принимали всеобщее обожание публики, после чего вместе покинули сцену. Быстро шли по просторным освещенным коридорам, стены которых украшали фотографии певиц, выступавших в Ландстор-Холл с открытия. Я уже почти расслабилась, когда из-за угла вылетела Зетта – жгучая брюнетка с ярко-синими глазами. Тощая, как микрофонная стойка.

– Привет, малыш. Сыграешь мне сегодня, как никогда и ни для кого? – Она попыталась потрепать Дрэйка по голове, но тот увернулся.

– Сыграю как обычно, детка.

– Весь выложился для нашей дорогой птички?

Я негромко кашлянула.

– О, – она повернулась ко мне и всплеснула руками. – Прости, не знала, что ты здесь.

– Я тоже не сразу поняла, почему Дрэйк разговаривает со стеной.

Зетту знатно перекосило, а пианист откровенно захохотал, увлекая меня за собой.

– Да ну брось. Тебе не надоело?

– Надоест, когда она перестанет ко мне цепляться!

– Никогда она не перестанет. Она ощутимо старше, а гри머ная от цветов ломится у тебя.

– И что я по этому поводу должна сделать?

– По мнению Зет – на полном ходу выпрыгнуть из флайса на магистрали высшего уровня.

Теперь мы захохотали уже вдвоем. Правда, горло тут же дало о себе знать. Сейчас бы чего-нибудь теплого и смягчающих леденцов в довесок. Кажется, где-то в сумочке они у меня завалялись, надо будет поискать. И попросить, чтобы принесли теплой воды.

– Ты сегодня в ударе, – заявил он, открывая передо мной дверь гримерной. В Ландстор-Холл не принято нести цветы на сцену, поэтому комната уже была завалена ими до самых дверей. – Как ты это делаешь?

Пожала плечами.

– Просто я люблю петь.

Это правда. Когда выхожу на сцену, часть меня словно оказывается в другом мире. Песня льется помимо воли, я не просто чувствую то, что пою, я переживаю каждое слово. К тому же, мой голос – все, что у меня есть. Точнее, все, чем я когда-либо хотела заниматься, было связано с моим голосом. В детстве просто сходила с ума от записей Шайны Анж, оперной певицы, покорившей весь мир. Оперной музыкой я дышала, горела и жила, вот только с оперой не срослось. Пока не срослось, но никто же не говорил, что я просто так сдамся.

– Ладно, Бри, оставляю тебя. До встречи.

– Счастливо! Позовешь Клари?

– Обязательно.

Дрэйк коснулся губами моей щеки, после чего повернувшись на каблуках, подпрыгнул и зашагал по коридору, насвистывая что-то себе под нос. Вот позер!

Захлопнув дверь, я доковыляла до зеркала и с наслаждением стянула модельные туфли со множеством ремешков. Сразу ощутимо уменьшилась в росте, уселась на стул и облокотилась о туалетный столик. Красота! Оковы пали, теперь хоть танцевать. Вот все люблю в своей работе, но к модельной обуви так до сих пор и не привыкла. Хотя когда-то мне казалось, что я не привыкну к своему новому образу. И к сценическому имени тоже – прилично времени ушло, пока я начала понимать, что Бриаль Бетрой и Леона Ладэ – одно и

то же лицо. Ну или не совсем одно: макияж придавал мне по меньшей мере с пяток лишних лет, но мода диктовала свои правила. Да и попробуй выйди на сцену без подведенных глаз или без помады: сольешься с интерьером. Тонкие брови приходилось постоянно выщипывать и красить, а вот глаза у меня самого невзрачного цвета – светло-голубые. Спасибо Клари, которая искусно оттеняла их при помощи подводки и теней. Губы под ярким блеском становились более пухлыми, и временами у меня создавалось чувство, что эта холодная красота – не моя.

В каком-то смысле так оно и было.

У-ух... Потянувшись, наклонилась, разминая ступни. Завтра у меня первый за много дней выходной, обязательно схожу на массаж! А пока вызову флайс – и домой. Покосилась на сумку, где завалялась палетка с вожделенными леденцами, но вставать не хотелось. Сейчас еще пару минут посижу, и будет мне счастье в виде смягчающей карамельки. Дотянулась до ближайшего букета, к которому прикрепили визитку, пробежала глазами и выбросила в урну. У меня правило: никаких свиданий с клиентами Ландстор-Холл и никаких встреч с поклонниками. Потому что ничем хорошим это обычно не заканчивается.

– Леона? – Клари влетела в комнату и остановилась рядом со мной.

– Принесешь мне воды, пожалуйста. Не слишком горячей, и...

– Тебя зовут в вип-ложу.

От неожиданности приподняла брови.

– Ты же знаешь, я не выхожу к клиентам. И правилами Ландстор-Холл это не поощряется.

– Все так, но это особый гость эссы Обри, она меня прислала. И просила передать, что отказываться нельзя.

Нельзя отказаться?

– Так и сказала?

– Так и сказала. Леона, поторопись, пожалуйста, а то мне влетит.

Вот тебе и смягчающие леденцы, и горячая вода, и ванна с массажем в придачу. Пришлось снова влезать в жуткие туфли, застегивать ремешки и улыбаться отражению. Глупо, наверное, но для меня это что-то вроде приметы – не выходить на сцену, пока не улыбнешься в зеркало. А приглашение в ложу – все равно что выход на сцену. Хотя все это очень и очень странно, конечно.

Эвель Обри, хозяйка Ландстор-Холл, придерживалась мнения, что приглашения от клиентов нужно выносить за двери клуба. Какими бы они ни были: личными, профессиональными или же смешанными. Интересно, кому и зачем я сдалась? Теперь уже нет сомнений, что именно тот тип из ложи пялился на меня все выступление. С чего бы? В клуб иногда заходили конкуренты – поглядеть на певиц, танцовщиц и музыкантов, но они обычно караулили вне этих стен. За последние полгода мне поступило четырнадцать самых

разных «более выгодных» приглашений, но сомневаюсь, что эсса Обри согласится со мной расстаться и с радостью преподнесет на подносе кому бы то ни было. Потому что я приношу ей отличные деньги.

Мы шли по коридорам в другую сторону – чтобы попасть к ломам, нужно обойти клуб по кругу. Здесь уже свет был приглушен, поэтому фото с выступлений мелькали перед глазами. Впрочем, в свое время я выучила их наизусть – даже годы, написанные под ними, так что присматриваться не было ни малейшего желания. Куда больше меня волновало другое.

– Не знаешь, кто меня хочет видеть и зачем?

Клари покачала головой.

– Понятия не имею. Мне сказали просто тебя пригласить. Там какой-то именитый гость, а уж что и как, не представляю.

На задворках души всколыхнулась надежда. Недавно у нас с Эвель состоялся разговор, в котором она заговорила о долгосрочном контракте. Долгосрочные контракты заключали только с очень перспективными музыкантами, но мне не хотелось бы связывать себя такими обязательствами. Тем более что я не оставляла попыток найти лазейку в оперу, о чем и сообщила владелице Ландстор-Холл. Она тогда сказала, что девочке с улицы в Мэйстонской опере ничего не светит, в чем я уже неоднократно убедилась на собственном опыте. Ну а вдруг?.. Вдруг к ней пришел режиссер новой по-

становки или композитор, и спросил обо мне?

От предвкушения слегка затрясло, даже руки похолодели. Когда настолько приближаешься к своей мечте, сложно оставаться равнодушной. Мы как раз вышли в холл, в котором полукругом расположились двери, ведущие в логи. Здесь было тихо, только охранники застыли у стен.

Клари постучала за меня, шепнула:

– Удачи! – и отступила, тряхнув белокурыми локонами.

А я шагнула в полумрак, где на диване, обитом черным бархатом, восседал мужчина. Оказавшись так близко от него, я снова ощутила на себе этот взгляд: изучающий, жесткий. Пальцы его постукивали по подлокотнику, а сам он рассматривал меня так откровенно и беззастенчиво, что все очарование мечты разом спало куда-то в район нижнего жилого уровня. А вот его рассмотреть не представлялось возможным – лицо скрывала черная полумаска, разве что на резкий подбородок пялиться. Но я решила – ему можно, а мне нельзя, что ли? Вот еще! С вызовом посмотрела в глаза, отмеченные серебристой каймой прорезей. Да будь он хоть трижды режиссер!

– Позвольте представить, Бриаль Бетрой, моя лучшая певица, – голос эссы Обри звучал несколько суетливо.

Я успела поймать челюсть до того, как она пробьет пол и окажется там же, где моя недавняя мечта: Эвель была женщиной жесткой и прагматичной. С подчиненными – резкой и требовательной, с клиентами неизменно обходительной, но

умеющей настоять на своем. Сейчас же в ней явственно ощущалось волнение – да-да, мамой клянусь. И в том, как она схватила меня за руку, чтобы подвести ближе к бесценному гостю, и в том, как неосознанно поправила идеальную прическу, перехваченную шелковой лентой в тон ярко-зеленому платью. С ее рыжими, коротко стриженными волосами смотрелось на удивление гармонично, а вот я отказалась следовать моде в том, что касается волос. В итоге так и осталась с длинными, ниже плеч, которые просто скручивала изящным узлом.

– Оставьте нас.

Голос был под стать ему – холодный и жесткий.

Но самое главное, что Эвель беспрекословно подчинилась, напоследок наградив меня таким взглядом, под которым захотелось рухнуть – да-да, на самый нижний жилой уровень. Поскольку стоять мне не улыбалось, я просто села в кресло подальше от него. Какое-то время мы оба молчали, изучая друг друга, после чего он похлопал ладонью по дивану – аккуратно по месту рядом с собой.

Вот гад!

Я сделала вид, что меня это совершенно не касается: хочется ему, пусть дальше пыль выбивает. Поскольку тишина затянулась, закинула ногу на ногу и, откинувшись на спинку, поинтересовалась:

– Зачем вы хотели меня видеть, эстерд...

– Местр.

О. Ну теперь все понятно: ир்தхан.

Подозреваю, что высокородный, иначе не смотрел бы на меня сейчас так снисходительно. В нашем мире, где небо пронзают иглы небоскребов из огнеупорной стали, в мире, который когда-то был сожжен дотла, ир்தханов – повелителей драконов – всячески превозносят. Им подчиняются, им никогда и ни в чем не отказывают, отсюда и отношение к простым людям у них... соответствующее.

– Хорошо, местр. Так зачем...

– Подойди.

Он даже выражался короткими рублеными фразами – так, словно слов ему было жалко. Ну а лично мне для вас жалко своего времени. Терпеть не могу, когда со мной пытаются разговаривать в таком тоне.

– Для начала, подойдите, – я не двинулась с места и в такт ему принялась постукивать пальцами по подлокотнику: надо отдать должное, это здорово помогало справляться с напряжением. – А дальше, если вам так хочется, почему бы не подойти самому. Я женщина, к тому же весь вечер на каблуках, видите?

Вскинула ногу и продемонстрировала ему двенадцатисантиметровую шпильку на туфельке. От этого более чем откровенного движения платье расплескало нижние ленты юбок, обнажая ноги. Вызывающе, но как есть. К сожалению, выражения его лица я разглядеть не могла, зато увидела, как уголки губ дрогнули и опустились. Вот и ладненько, вот и

чудненько, вот и...

Он поднялся раньше, чем я успела вздохнуть. Поднялся и шагнул вперед, ладонь вызывающе-медленно скользнула над моей вытянутой ногой – в каких-то миллиметрах от блестящей ткани чулок, но у меня все волоски на коже встали дыбом. Красивые, ухоженные руки, длинные пальцы. Которые сомкнулись на подлокотниках, и я оказалась в ловушке. Если так подумать – можно было бы сползти вниз, на пол... нет, нельзя. Да и думалось плохо: высоченный, сейчас он лицом к лицу со мной. Сердце подскочило к горлу, и где-то там и осталось, не пытаясь даже трепыхаться. Он смотрел мне в глаза, и теперь я даже могла разглядеть их цвет: изумрудные льдинки. Резкие скулы, уходящие под полумаску, жесткая линия губ – сразу понятно, что эти губы не привыкли целовать нежно. Скорее, сминать. Сильно, властно, без права на отказ.

Такие, как он, в принципе сминают всех и вся.

Если показать слабинку.

Подавив желание вжаться в спинку кресла, легко уперлась пальчиком в его грудь.

– И что теперь, Бриаль? – В жесткие нотки вплеталась откровенная насмешка.

– Вы так и не представились, месье.

Он усмехнулся и снял полумаску.

А я чуть не поперхнулась воздухом: передо мной стоял Рэйнар Халлоран, глава правящей семьи Мэйстона.

– Возвращаясь к твоему вопросу. Что же мне нужно от певицы Ландстор-Холл...

Его слова тоже сминали, вдавливали в кресло. А еще раздевали – безжалостно и бесстыдно, стягивая бретели платья с плеч, все ниже и ниже, резко обнажая грудь и разводя ноги. Обжигая своей властью и уверенностью в том, что я уже его – так, как ему того хочется. И сколько хочется. Несмотря на отделявшие нас от общего зала плотные шторы, я почувствовала себя обнаженной и раскрытой на глазах у всех.

В ушах зашумело. Проклятый сексуальный магнетизм ир்தханов, чтоб ему дракон все самое ценное отгрыз! Захотелось обрушить на голову Халлорана ведро со льдом, а следом бутылку охлажденного вина. И сверху украсить ягодкой, которые очень кстати лежали в вазочке. Вместо этого положила руки на плечи этому гаду, слегка подалась вперед, разводя бедра и позволяя ему в прямом смысле оказаться у меня между ног.

– Спеть на частной вечеринке?

Выражение его лица я не забуду никогда: оно вытянулось, как если бы ему сообщили, что на город обрушился косяк взбесившихся драконов.

– Простите, мейстер Халлоран, но я не работаю с частными клиентами. Поэтому не смогу поддержать ваше... семейное торжество. А теперь прошу меня извинить, – невинно улыбнулась и уперлась руками ему в грудь. – У меня очень много дел.

То ли он наткнулся на стол, когда вынужден был посторо- ниться, чтобы уступить мне дорогу, то ли это его зубы так яростно скрежетнули. Даже щека как-то странно дернулась, но к сожалению, Халлоран очень быстро взял себя в руки. Усмехнулся и нацепил маску – правда, не ту, в которой меня встречал. С таким лицом мейстер обычно говорил на камеру, я ведь частенько видела его на экране визора – уверенность, сила и благоденствие. Ослепительная улыбка и знание, что мир принадлежит ему. Что все будет так, как он пожелает.

Только не сегодня.

Поскольку желание расколотить о его голову бесценную бутылку не прошло, прошла я. К дверям, за которыми совсем недавно стояла в обнимку со своей дурацкой надеждой. Его взгляд ощутила всей кожей: он скользнул по плечам, по оголенной спине и ниже.

– Предпочитаешь петь для публики попроще?

– Пою только для тех, кого считаю достойным, – выделила последнее слово и яростно рванула дверь на себя.

– Для меня ты споешь особую песню, Бриаль. Раньше, чем думаешь.

Ага, десять раз. Жди.

Надеюсь, грохот захлопнувшейся двери в полной мере от- разил ему мое почтение.

По коридорам я летела так, что встречавшиеся мне на пути даже не пытались заговорить, а оказавшись в пример- ной, начала быстро собираться. Вызвала флайс, наскоро по-

кидала в сумку одежду – переодеваться не хотелось, хотелось как можно быстрее и как можно дальше оказаться от Ландстор-Холл. Как можно дальше от Халлорана, драконы его раздери. Угроздило же!

Успокоилась только когда флайс взмыл с посадочной площадки. Назвала водителю адрес и откинулась на сиденье, разглядывая мелькающие за окном виды. Мэйстон, как и все города нашего времени, построен уровнями. Мы шли по центральной магистрали, откуда отлично просматривались и бедные районы – тусклые пятна уличного освещения внизу, где дома насаждают один на другой, и сияющие башни небоскребов, в которых одной семье принадлежит сразу несколько этажей. Огни были повсюду: и бортовые – флайсов, в такое время центральная магистраль уже немного разгружена, и рекламных вывесок-голограмм, и усыпанных блестками окон стальных игл высоток. Ограничители магистралей переплетались между улицами, перекинутые над Гельерой мосты изогнулись монументальными стальными опорами, впереди виднелся монолитный купол Совета Правления – именно там происходили встречи правящих семей.

В салоне было тепло и пахло химическим освежителем – вроде «натуральная древесная свежесть», но я снова и снова возвращалась в кондиционированную прохладу ложи, снова натыкалась на снисходительный прищур Халлорана и чувствовала исходящую от него силу. Сила у иртханов в крови, особенно у высших. Что ни говори, а именно благодаря им

люди сейчас живут на земле, а не под землей, как когда-то.

– Нет, вы только гляньте-ка. Снег!

Водитель – темнокожий подвижный паренек, указал на лобовое стекло. Туда и правда липли снежинки, одна за другой: крупные, с растопыренными пальцами, они расплзались пушистыми кляксами и тут же таяли.

– Рановато, – не унимался водитель. – Еще ж два месяца до Смены времен.

– Красиво.

– Что правда то правда, эсса.

Снег усилился, в пелене белоснежных вихрей город выглядел сказочно. Примерно так же он выглядел год назад, когда мы с Вальнаром целовались на Центральном мосту. Только тогда они таяли на наших щеках. А еще было довольно забавно слизывать их с губ – своих и его.

– Грустите? – водитель подмигнул мне в зеркале заднего вида.

– Нет.

Нет у меня привычки грустить. Особенно по тому, что прошло безвозвратно.

– Вот и правильно. Такой красавице наверняка очень идет улыбка.

Я улыбнулась, и парень вскинул руку с поднятым пальцем.

– Так-то лучше.

Повезло, добрались быстро. Из-за снегопада обычно встает центр, а я снимаю квартиру на Четвертом острове. Не со-

всем окраина, но район тихий. Если окна поплотнее закрыть, не слышны даже колебания воздушных потоков из-за движения флайсов. С соседями тоже повезло. Мне. Они не всегда согласны, что повезло им – я иногда расппеваюсь перед выступлениями дома, а Танни постоянно врубает свою музыку, если можно так выразиться, на полную громкость. Из-за чего мы с ней неоднократно ругались. Вот и сейчас из квартиры гроыхало так, что захотелось заткнуть уши шпильками. Как раз теми самыми, поглубже. О том, что забыла переобуться, я вспомнила, когда расплачивалась с водителем и дверца отъехала вверх. Мои новенькие полусапожки на платформе остались в примерной, я топала от парковки к лифту в модельных туфельках с ремешками, то и дело норовя поскользнуться в тающей жиже. Снежинки липли на чулки, а я куталась в пальто и ругала Халлорана последними словами.

Из-за него ведь все, дракон недоделанный!

От жуткого мощного «унц-унц-унц» подпрыгивала даже мебель в прихожей. Вместе с ней подпрыгивал мой желудок, в котором с самого обеда ничего не было, декоративные вазочки над электрическим камином, и наша с Вальнаром фотография в Мэйстонском парке. Я не убрала ее только потому, что не хотелось объясняться с младшей сестрой, Тан – та еще язва. Но рано или поздно это придется сделать, да и с собой не помешало бы объясниться. В том, что все между нами кончено. Это правда. И обжалованию не подлежит.

– Танни! Тан! – сбросив обувь и пальто, взлетела по лест-

нице.

Квартира у нас небольшая, но двухэтажная и чистая, с новеньким ремонтом: на первом просторная гостиная, столовая и кухня, на втором – наши с сестрой спальни. Аренда стоит прилично, но пока что я в состоянии оплатить такое жилье. Через пару лет Танни окончит школу и поступит в Академию, тогда и подумаю о покупке собственного. Может быть даже поближе к центру.

– У... а... вь... гмксть...

Единственное, что я услышала из своих слов, когда открыла дверь и в лицо мне ударили раскатистые басы. Сестра валялась на кровати поверх покрывала – в своем любимом линиялом свитере и джинсах, даже ботинки не сняла. Фиолетовые и розовые пряди торчали в разные стороны среди натуральных черных, она листала какой-то журнал и даже не обернулась. Да, сдается кто-то еще неоднократно пожалеет, что пошел на поводу у взбалмошной девчонки и купил ей на день рождения новую супермощную стереосистему.

– Танни!

Пришлось топтать до колонок с зажатыми ушами и вырубать самой.

Танна недовольно дернулась, обернулась – изо рта у нее торчала палочка от леденца.

– А, эфо фы. Пфифет.

– Кажется, я тебе говорила, что этот засранец Лансаро обещал на нас нажаловаться хозяйке.

– Когда в слефууфий фаз... – сестра все-таки удосужилась вытащить леденец, помахала им и продолжила. – Будет обещать, покажи ему это. – Она оттопырила средний палец. – Или позови меня, если стесняешься.

– Когда в следующий раз я приду домой и услышу этот кошмар, стереосистема отправится на помойку, – мило улыбнулась. – Наушники я тебе зачем покупала?

Танни скривилась.

– Есть не слушать музыку на полную громкость, есть слушать музыку в наушниках. Еще приказы будут, или можно дальше расслабляться?

– Уроки сделала? С Марром погуляла?

Марргент – виар, трехцветный карликовый дракон, которого я подобрала на нижних уровнях только-только выпившимся. Как такой малыш попал на улицу – непонятно. Вообще-то полагалось заявить о найденныше и поставить подчиняющий кристалл, но мы на удивление быстро подружились, поэтому я решила обойтись без таких мер. Не хотелось превращать дракончика в зависящее от себя безвольное существо, как поступают желающие обзавестись питомцем люди.

– Сделала, погуляла. – Сестра сунула леденец в рот. – Те-ферь дфыхнет на тфоей кфовати.

Все как всегда.

Вздыхнула и пошла к себе.

Марр действительно оказался в спальне, устроил себе

гнездо из одеяла. Почувствовав меня, широко распахнул огромные желтые глаза и заверещал. Встрепенулся, распушился и радостно прыгнул вперед, чудом не сбив с ног. Это только с виду они маленькие и беззащитные, а силищи в них хоть отбавляй. Да и инстинкты драконьи, поэтому кристаллы для домашнего содержания рекомендуют ставить даже если владельцы иртыханы. Спокойнее и безопаснее.

– Сейчас покормлю, – сказала, падая на кровать.

И себя тоже сейчас покормлю.

Виар с громким урчанием запрыгнул на постель и принялся бодать мою руку. Жалюзи были открыты, и город с высоты квартиры рассыпался огнями в снежной пелене. Где-то там остался и Ландстор-Холл, и Халлоран, и все это было далеким-далеким. А вот внимания продолжали настойчиво требовать, поскребывая когтистой лапой по покрывалу и облизывая огненно-горячим шершавым языком ладонь. Пришлось чесать – над лобовыми чешуйками, скрытыми под шерстью, и слушать довольное пыхтение. Под это пыхтение, с мыслями о том, как же хочется есть, я на пару минуточек закрыла глаза.

Глава 2

Утро началось внезапно: я неудачно повернулась и зацепилась волосами за браслет закинутой под голову руки. Ощущения были не самые приятные, поэтому на пробуждение много времени не ушло. Пытаясь отцепить злосчастные несколько волосинок, запутавшихся между звеньями, я обнаружила, что забыла не только раздеться и умыться, но и заползти под одеяло. Так что заботливо принесенный Танни плед пришелся очень кстати – сейчас я не напоминала гигантскую мурашку на ножках. Поверх пледа валялась шайбочка для голосовых сообщений, заговорившая под легким прикосновением: *«Марра накормила, ушла в школу. Хорошего дня, страшилище».*

Вот такая очаровательная у меня сестра.

Впрочем, когда я подошла к зеркалу, поняла, что в чем-то она права. Макияж размазался по лицу – то ли из-за снега, то ли из-за того, как сладко спалось. Половина шпилек из волос высыпалась на кровать, поэтому сейчас несколько прядей падали на плечи, а другие торчали в разные стороны, напоминая клубок вязальщицы. Остатки я вытащила и положила на туалетный столик, за ними последовал гребень. Волосы у меня не то чтобы очень длинные, но ухода требуют много. Особенно если учесть, что я их крашу.

В сумке завибрировал телефон, но я решила, что кто бы

там ни был, подождет. По крайней мере, пока я не стану похожа на человека. Спустила бретельки платья, позволяя ему упасть на пол, и пошла умываться, по дороге снимая украшения.

Надо же было так отключиться! И ведь не сказать, что особо поздно вернулась – наверное, просто сказывается работа почти без выходных. В последние месяцы мои выступления пользуются особым спросом, и я этим пользуюсь. Ну а что, деньги в наше время лишними не бывают. Наряды и косметику я покупаю сама, не стоит уточнять, во сколько обходятся услуги косметолога и парикмахера. А мне еще сестре за обучение платить. И не только за обучение: если представить, сколько всего нужно подростку, волосы встают стройными рядами.

– Заперты двери на сотни замков, – шагнула в душевую, с наслаждением открыла воду, подставляя лицо сильным упругим струям, – но даже так, дорогой, не спастись от оков...

Действительно, кому же еще петь в душе, как не мне.

– И если вспыхнут огнем небеса, не бойся, любимый, смотри мне в глаза...

Горьковатый ореховый аромат, смешанный с ванилью, обволакивал. И очень некстати напомнил холодный резкий аромат парфюма, исходивший от Халлорана, когда он ко мне наклонился: в нем тоже были запоминающиеся миндальные нотки.

Да чтоб тебя! Мой любимый шампунь и гель для душа, которые неизменно помогали расслабиться, сегодня почему-то не спасали. Стоило вспомнить насмешку в зеленых глазах, как я начинала заводиться. Никогда ведь со мной такого не было, ни-ког-да! Чтобы два дня думать про одного и того же ирт...хама, который видите ли, возомнил себя центром Мира. Ладно бы еще центром Мэйстона, хотя хрена с два он вообще центр. Так... центрик. Эпицентрик. Эгоцентрик.

Самоуверенный засранец, вот он кто!

Я повесила мочалку на крючок и выключила воду.

После душа всегда чувствуешь себя заново рожденной. Особенно когда сидишь на барном стуле, потягивая ароматный кофе и заедая его йогуртом с фруктами. Разглядывая залитые солнцем острова, утыканные иглами высоток, полотно залива, идущего бурунами, и ленты магистралей, переплетающиеся восьмерками и самыми разными фигурами.

Марргент устроился рядом в надежде, что ему что-то перепадет, но ему не перепадало. Зарекалась его кормить со стола, если начнешь потакать, потом вообще не отвяжешься. Жрет он все и без остановки: начиная от хлебных корок и яблочных чипсов, заканчивая морковкой и мясом. Можно вместе, можно по отдельности. А главное, совсем при этом не толстеет. Понятия не имею, как ему это удастся.

Чем дальше, тем больше и печальнее становились глаза виара. Прямо-таки наполнялись слезой.

– Нет, – сказала я решительно и указала на миску разме-

ром с таз, которую надо бы помыть.

Меня тронули лапой и сиротливо вздохнули. Чешуйки на голове умилительно поднялись, шерсть над ними раскрылась цветочком. Эта пушистая зараза прекрасно знала, на что давить, и тоже неплохо этим пользовалась. Цвета в нем три: черный, рыжий и белый, соединенные природой в картину прирожденного художника. Говорят, что такие виары приносят счастье. Мне он пока что приносит только умиление и желание тискать до умопомрачения. Хотя Вальнару он тоже нравился. Но не взаимно.

Так.

Не думать о бывшем. Не думать о мужчинах. Вообще не думать.

Выходной у меня сегодня, или где? Пройдусь по магазинам, загляну в салон к Лэмерти, а вечером устрою себе праздник отупения – буду валяться на диване, есть замороженный клубнично-шоколадный крем и бездумно пялиться в визор.

Перевела взгляд на портрет Шайны Анж, который заказала полгода назад. Черно-белый, он идеально вписался в цветовую гамму и интерьер кухни. Красивый женственный профиль, длинные волосы, рекой стекающие на плечи. Вот на кого мне хотелось быть по-настоящему похожей.

Она стала самой молодой певицей, которая оказалась в опере на главных ролях, ею восхищался весь мир. Шайне приписывали долгий роман с высшим иртханом. Правда,

развития эта сплетня не получила: в один прекрасный день эсса Анж вышла из оперного театра, села во флайс и пропала.

В мыслях я оказалась довольно далеко от Мэйстона, поэтому пронзительная трель звонка, эхом пролетевшая по квартире, заставила подпрыгнуть. Танни ключи забыла? Хотя нет, времени еще мало, у них занятия в школе позже заканчиваются. Спрыгнув со стула прямо в белые пушистые тапочки, прошлепала в просторный светлый холл.

И опешила: на пороге стояла Эвель Обри собственной персоной.

– Леона, почему ты не отвечаешь на звонки?

У-упс. Ну забыла про телефон, с кем не бывает.

– Я звонила тебе все утро.

Начальница выглядела недовольной. Хотя нет, недовольной – это слабо сказано. Идеально выщипанные рыжие брови сошлись на переносице, хотя хмуриться она не любила: это же прямой путь к морщинам. Не дожидаясь приглашения, шагнула в холл и скинула темно-зеленое длинное пальто прямо мне на руки. Которое я незаметно скинула на подставку для перчаток – что я ей, вешалка, что ли?

– Хотите кофе?

– Нет. Ты же знаешь, у меня нет времени на эти глупости.

Уже больше похоже на Эвель: у нее времени вообще ни на что нет. Где-то в перерывах она умудряется жить.

– Где мы можем серьезно поговорить?

– Проходите в гостиную, – я кивнула.

Не потрудившись снять сапожки, она процокала каблучками по плитке и затихла только когда обувь утонула в белоснежном ковре. Выглядывавший из кухни виар, которому строго запрещалось ступать на ковер сразу с улицы, смотрел на это непотребство с любопытством. Видимо, не понимал, почему ей можно, а ему нет. На него владелица Ландстор-Холл взглянула брезгливо и с опаской, подтянула повыше юбку изумрудного платья-миди и села. Идеально прямо, обхватив руками колени.

– Ты поставила меня в очень неловкое положение, – начала она, прежде чем я успела сесть. Где-то так, в полусогнутом меня и застала следующая фраза. – Перед местром Халлораном.

– Я не...

– Когда отказалась петь на его семейном торжестве.

Я плюхнулась на диван с размаху, совсем не изящно. Вот тебе и не думать о мужчинах.

– Наверное, не стоит объяснять, какое он занимает положение в обществе?

– Эвель, – остороженько сказала я. – Он собирался разложить меня прямо в ложе.

Начальница скривилась, словно в ее коктейль перелили ликера лица.

– Не груби. Тем более что речь шла вовсе не об этом.

– Не об этом? – я взвилась. – Я не первый день на свете

живу, и...

– Детка, чтобы добиться успеха, иногда приходится поступиться собственными принципами.

От неожиданности я утратила дар речи.

– Сейчас у нас с тобой очень неприятная ситуация. Местр Халлоран не доволен твоим вызывающим поведением, и я прекрасно его понимаю. Иногда ты действительно откровенно дерзишь.

Кровь прилила к щекам. Чтобы не наговорить лишнего, пришлось скомкать халат.

– Разве?

– Да. Зетта неоднократно жаловалась.

Ну кто бы сомневался! Правда, Зетта могла жаловаться с тем же успехом до глубокой старости, если бы на горизонте не нарисовался этот долбаный, дракон его дери, Халлоран, и не решил меня поиметь. А когда не получилось, в отместку решил усложнить жизнь. Проще не бывает! Ух, драконище драное! И ведь специально заговорил про семейное торжество. Не только драное, но и злопамятное.

– Завтра вечером снова твоё выступление. Ты извинишься перед местром, и...

– Нет.

– Что, прости? – брови Эвель изумленно приподнялись.

– Нет, я не стану перед ним извиняться. Это он вел себя как хам. И если у него не хватает мозгов и сил это признать, то пусть катится под хвост дракону.

Лицо начальницы пошло красными пятнами.

– Как ты смеешь так меня подставлять?

– Вы тут ни при чем, – я поднялась, и Эвель поднялась следом – медленно распрямляясь, как натянутая до предела пружина. – Вы не несете за меня и мои действия никакой ответственности, у нас даже постоянного контракта нет.

– Вот именно. Советую тебе об этом помнить, когда будешь беседовать с местром Халлораном.

Э... что?

– Вы только что обещали меня уволить?

– Ну что ты, милая, – в голосе ее звучал металл. Она сложила холеные руки на плоской груди, глядя на меня сверху вниз – благо, рост позволял. – Я просто намекнула на возможные последствия некоторых опрометчивых поступков.

Угу. Более чем однозначный ответ.

– Вы не сможете отказать мне в месте! Я ваша лучшая певица, у вас все афиши с моим именем.

– Афиши можно заменить, – Эвель шагнула вперед и погладила меня по щеке. – Поверь, милая, мне бы очень не хотелось с тобой расставаться. Но если ты не оставишь мне выбора, я ничего не смогу поделать. Под моей крышей не будет петь женщина, которая не умеет себя вести.

То есть раздвигать ноги перед первым встречным? Потрясающе!

И никакой тебе женской солидарности.

– Понимаю, в твоем возрасте еще многое решает импуль-

сивность. Поэтому я даю тебе время подумать до завтра. Ты умная девочка, и, я больше чем уверена, примешь правильное решение. Не провожай, вижу, ты еще недавно проснулась.

Цоканью каблуков вторил скрежет когтей виара, который направился ко мне. Дверь за ней закрылась, а я все еще стояла и хлопала глазами, не в силах поверить в услышанное. Конечно, Эвель Обри мне не мать, не сестра и даже не подруга, но... но почему-то мне казалось, что случись что-то подобное, она примет мою сторону. Тем более что она сама не раз намекала на то, что личные отношения лучше не смешивать с работой. Видимо, все правила и принципы дают сбой, если дело касается иртехана из правящей семьи.

Торчать как распределитель движения на магистрали мне надоело, я снова плюхнулась на диван, подтянула под себя ноги. Марр запрыгнул рядом, заурчал, успокаивая. И хотя ему строго-настрого запрещалось забираться на мебель, сейчас я просто обняла его и уткнулась носом в пушистую мощную шею.

Извиниться, говорите? Отлично!

Мне сказали до завтра подумать, но никто же не говорил, что нужно ждать до завтра. Его высочайшее иртехамство оскорблено? Значит, немедленно поедem приносить ему свои извинения. А то мало ли как далеко зайдет его обида до завтрашнего вечера.

Недолго думая, вызвала флайс и распахнула двери шкафа.

Натянула первые попавшиеся линялые джинсы на бедрах, в которых гуляла с Марром, облегающий серо-голубой свитер под горло, вбила ноги в присборенные на голенищах замшевые полусапожки на тонкой подошве и устроилась на окне – ждать транспорт.

Офис высшего располагался в самом центре, в элитной многоэтажке, на крыше которой даже дракон хлопнется в обморок от высоты. Комплекс небоскребов, сплавленных воедино и объединивших в себе компании «Халлоран Индастриз», центральный шпиль видно даже из нашего района. Рядом с ним терялись самые солидные высотки, по утрам скрывающие солнце, а ночью – восход обеих лун. Ощущение близости было очень и очень обманчивым: лететь далеко. Особенно днем и по пробкам.

Ничего, как раз после обеда доберусь.

На этот раз водитель мне попался неразговорчивый и какой-то дерганый: постоянно сигнализировал пытающимся обогнать нас и пристроиться впереди флайсам. Нам тоже сигнализировали, иногда мы резко срывались вперед и чудом не целовались с задними габаритными огнями впереди идущих. Но добрались все-таки без приключений: стоя у подножия небоскреба Лаувайс, я запрокинула голову. Блеск металла и блики огнеупорного стекла, стремительно уходящие ввысь и теряющиеся под облаками. Даже здесь, внизу, дух захватило. От высоты голова кружилась, и представлять не хочу, сколько в этой башне метров.

Да и не за этим я здесь.

Огромные стеклянные двери распахнулись, пропуская меня в холл. Просторный, в серебристо-стальных оттенках, с вкраплениями черных и темно-красных цветов. Седой охранник за стойкой слева поднял голову, огоньки электронной проходной под детекторами оружия выразительно мигали желтым. Примерно так же мигали его глаза, в которых однозначно застыл вопрос: что девчонке в дутой курточке со стянутыми в хвост волосами понадобилось *здесь*. Девчонке, у которой в руках нет никаких документов. Признаю, в таком наряде и без макияжа я вполне могла сойти за курьера, читай девочку на побегушках.

– Что вы хотели, эсса?

– К местру Халлорану. Пришла договориться о выступлении на семейном торжестве.

Не пропустят – так хоть повеселюсь. Представляя себе физиономию Халлорана, когда ему обо мне сообщают.

– Вам назначено?

– Да.

Наглость – вторая радость. Главное сделать морду монолитом.

– Могу я взглянуть на ваши документы?

Я вручила ему карточку-идентификатор, и он незамедлительно сунул ее под детектор.

– На ваше имя не бронировали пропуск, эсса Ладэ.

– Позвоните секретарю. И пожалуйста, не заставляйте

местра ждать, а то он очень переживает по этому поводу. Меня уже обещали уволить. Кстати, пока мы тут тянем время, с вами может случиться то же самое.

У охранника отвисла челюсть. Буквально, немного опустилась вниз, отчего круглое добродушное лицо вытянулось. Пока он решал, не сошла ли я с ума, звонил секретарю и интересовался моей скромной персоной, облокотилась о стойку и разглядывала холл. Ничего себе так холл, в нем можно презентации устраивать. Хотя что-то мне подсказывало, что для презентаций здесь есть место попрезентабельнее. Люди сновали, как заведенные, за моей спиной то и дело приветливо щелкали электронные проходные, скоростные лифты возносили на этажи и возвращали вниз многочисленных сотрудников, гостей и деловых партнеров. Над лифтами герб Халлоранов – красный дракон на черном фоне. С раскинутыми крыльями, которые подсвечены серебром – так же, как гребень и кончик хвоста.

– Эсса Ладэ, позвольте ваши документы еще раз.

– С превеликим удовольствием.

Охранник опустил карточку в считывающее устройство и, когда мои данные записали в систему, все-таки соизволил выдать электронный пропуск. Как раз в тот момент, когда я прочитала его имя на бейдже.

– Кабинет местра на сто двадцать третьем этаже. Лифт дальше по коридору, иначе придется идти по перекидному мосту, а это не всем нравится. Пропуск на час, если потре-

буется задержаться...

— Не думаю, что этот вопрос потребует у меня много времени, эстерд Терн. — Я одарила его очаровательной улыбкой, и охранник расплылся в ответной. Правда, получив воздушный поцелуй, тут же подобрался и принял официальный вид. — Спасибо, вы просто душа.

Желтый крестик сменился красной стрелочкой, и обитель Халлорана распахнула мне свои объятия. Вопреки совету охранника, на этаж решила подняться сразу. Двери лифта с мелодичным звуком сомкнулись, прислонившись к стене, я смотрела как стремительно отдаляется земля и аэромагистраль превращаются в нитки, а рекламные щиты в крохотные квадратики. Большинство людей стояли с напряженными сосредоточенными лицами — видимо, были отсюда очень далеко, в мире цифровых документов и электронных подписей. Только один молодой человек непрерывно дергал галстук, словно ему не хватало воздуха. Он был бледен, как большая луна, над губой выступили капельки пота. Высоты что ли боится? Протиснулась ближе к стеклу, оттесняя его назад, и услышала, как парень вздохнул с облегчением.

Этаж, на котором я оказалась, был оформлен в тех же тонах. Перекидной мост представлял собой стеклянный, полностью прозрачный тоннель, из-за чего создавалось ощущение, что идешь по воздуху или натянутой на небывалой высоте невидимой ленте. Лишь на миг опустила взгляд, и тут же пожалела: мир внизу казался игрушечным, нереальным.

На всякий случай решила смотреть только прямо перед собой. Ветер на такой высоте сильнейший, и сейчас он отзвывался мелодичным гулом, отраженным от стекла. Иногда начинало казаться, что хлестни порыв посильнее – и коридор зашатается, как трубка в домике для грызуна. Навстречу мне изредка попадались сотрудники Халлорана – такие же экстрамалы как я, видимо.

Сердце скакало вприпрыжку, и мне хотелось бы думать, что исключительно от высоты. Вот только чем ближе я подходила к кабинету, тем сильнее начинало потряхивать. Ладони стали потными, по позвоночнику пробежал пугающий холодок, неожиданно отозвавшийся дрожью под ложечкой. Захотелось развернуться и дать деру, вместо этого я ускорила шаг.

В нужном коридоре бодро пролетела мимо вереницы дверей, снабженных электронными замками, пока не оказалась в приемной. У ирхана было два секретаря – почему меня это совсем не удивляет?.. Молодой человек как раз принимал документы у подошедшего курьера, а симпатичная светловолосая девушка, заметив меня, поднялась. Деловой костюмчик с иголки на ней сидел как влитой. Идеально гладкие волосы были подстрижены так, чтобы доставать ровно до подбородка – по последней моде. Они заключали изящное личико в аккуратную рамку, делая ее похожей на куколку.

– Добрый день. Эсса Ладэ?

– Верно. У меня встреча с мэстром Халлораном.

Девушка кивнула.

– Он просил вас немного подождать.

– Неужели? Думала, это он меня ждет. Меня. Или моего покаяния, – теперь уже к разговору прислушивались курьер и второй секретарь, с явным интересом. Старательно делая вид, что не смотрят в нашу сторону.

– Простите?

– Да, все правильно. Это то, ради чего я пришла. Сказать всего одно короткое слово – простите, но оч-чень выразительно. Так вы сообщите обо мне?

Глаза у девушки стали большие-большие. Не знаю, чем закончился бы этот диалог, но дверь в кабинет высшего открылась и оттуда вышел Халлоран собственной персоной. Куда только подевалась вальяжная фривольность: подтянутый, при костюме, не мужчина – скала на ножках. И ростом со шкаф, в котором стояли архивные диски. Ну ладно, шкафу он уступал. Самую малость. А вот глаза его мигом превратились в две узенькие щелочки, ир்தхан смотрел так, словно я была опасной галлюцинацией.

– Здравствуйте, – сказала галлюцинация и помахала рукой. – Я извиниться. К вам можно?

Его ноздри едва уловимо дрогнули, и... все! Даже в лице не изменился, отступил в сторону и указал мне на дверь. Приглашающим широким жестом.

– Прошу.

– Ой, спасибо. Ничего, что я не на коленях?..

Немая сцена закончилась достаточно быстро: Халлоран оказался позади и резко шагнул вперед. Я влетела в кабинет так шустро, что даже на секретарей не успела оглянуться.

– Что за спектакль ты устроила? – привычно глядя на меня сверху вниз, холодно поинтересовался он.

Если так подумать, у него просто талант подавлять. Я почти физически ощутила, как вырастаю в пол и уменьшаюсь в размерах. При свете дня ир்தхан почему-то выглядел еще более внушительным. А вот жесткий взгляд привычно пробежался по мне: оценивая от макушки, от собранных в хвост волос, до кончиков ботильонов. Захотелось отступить на несколько шагов, желательно в приемную. Лишь усилием воли заставила себя остаться на месте.

– Вы же хотели шоу в моем исполнении. Понравилось?

Халлоран приподнял бровь.

– Ты еще не поняла, девочка? – Его голос скользнул по коже с нежностью завернутого в бархат лазерного ножа. – Условия ставлю я. И только я решаю, когда ты будешь передо мной извиняться. И как.

От этих интонаций по телу прошла удушающе-жаркая волна. Ир்தханы с детства тренируют голос – на случай беседы со зверем, когда одно неверное звучание может оставить от тебя горстку пепла или мокрое место. Но сейчас я на себе ощутила все прелести низкого, обволакивающего властного тона. Не оставляющего ни малейших сомнений, кто хозяин ситуации, подчиняющего и лишаяющего воли. Не знаю, как

он говорит со своими подчиненными – если он с ними вообще говорит – но я бы на второй день уволилась, даже если бы мне за месяц предложили оклад как за год ежевечерних выступлений в Ландстор-Холл.

– Оставьте меня в покое! – Я уперла руки в бока и посмотрела на него, как совсем недавно смотрела на шпиль его высотки. – Вы не трогаете меня, я не трогаю вас. Все честно.

– Неужели? – пальцы жестко сомкнулись на моем подбородке.

Во рту неожиданно пересохло. Там, где его рука касалась моей кожи, словно полыхало пламя, и оно жидким огнем растекалось по всему телу. Сумасшедшее наваждение и гипнотический взгляд, под которым в самом низу живота раскрывался алый цветок бесстыдного животного желания.

– Не смейте делать это со мной!

Я рванулась и от души влепила ему пощечину, а в следующий миг оказалась с силой прижата к его груди со сведенными за спиной руками. Вывернутыми так, что на глаза навернулись слезы. Пошевелиться не могла – боялась, что распрощаюсь с левым запястьем. Оно, кстати сказать, уже горело, так же, как и его щека.

– Вы сломаете мне руку, – голос почему-то сел, и стал еще ниже привычного.

В глазах иртыхана полыхнуло пламя, на миг делая их похожими на брошенные в огонь драгоценные камни.

– В следующий раз так и сделаю. – Уголок тонких губ при-

поднялся. – Подумай об этом перед тем, как замахнешься снова, Леона.

Уже и имя мое настоящее знает! Как у них все быстро, у высших.

– Мне больно! – прошипела я.

– Об этом ты не подумала, когда шла сюда?

Запястье недвусмысленно намекало, что не против принять привычное положение: на нем словно кандалы раскаленные защелкнулись, которые с каждой секундой все сильнее вплавлялись в кожу. Возможно, так оно и было, отчасти: высшие иртханы способны управлять температурой собственного тела. Неожиданно хватка ослабла, а потом меня жестко перехватили за талию и подтолкнули к панорамному окну. Во время совещаний – когда все места за длинным столом заняты, его, должно быть, закрывали жалюзи. Сейчас же вид из окна открывался головокружительный: центр и острова Мэйстона залитые солнцем. Гельерский залив блеснул, как отполированное зеркало. Вся жизнь осталась внизу, а здесь, под облаками, царил бесконечный холод. Столь же яркий и обжигающий, как слепящие глаза лучи. Точно так же ладони обжигало прозрачное стекло: я положила на него руки, чтобы чувствовать, что между высотой и мной есть хоть какая-то преграда. Колени подрагивали.

– У тебя потрясающий голос, – шепнули мне на ухо, опалая горячим дыханием шею. – Завораживающий. Глубокий. Невероятный. Но это все, что у тебя есть, правда?

Контраст получился слишком ярким, а удар – точным. Возможно потому, что полностью отражал мои чувства. Рванулась, но оказалась бесцеремонно прижата к стеклу сильным мужским телом. Браслеты пальцев снова сомкнулись на моих руках, по обе стороны от нас. Перстень-печатка с гербовым драконом вплавился в кожу, наверняка синяк останется.

– Отпустите, или я закричу.

– Не закричишь. Ты для этого слишком гордая, девочка.

– Вы ничего обо мне не знаете, – выдохнула в стекло.

В отражении на город наступал его кабинет. Стены, дипломы, награды и благодарственные письма застыли в воздухе вместе со стеллажами. И точно так же застыли мы, касаясь своих двойников. Халлоран смотрел в глаза моему зеркальному близнецу, и от гипнотического звериного взгляда по коже бежали мурашки. Его запах – горьковато-терпкий, как вымоченный в крепком алкоголе миндаль, властность и низкие рокошующие интонации творили что-то странное. Иначе как объяснить, что мне хотелось податься назад, сильнее прижаться к иртхану?

– Давай проверим, – пальцы поглаживали ставшую чувствительной кожу запястий. От этих прикосновений по телу будоражащим теплом разливалось томительно-сладкое напряжение. – Бриаль Бетрой, настоящее имя Леона Ладэ. Двадцать три года. Окончила обычную и высшую вокальную школу, потому что мечтала петь в опере. Но с оперой не

сложилось, и ты решила попытаться счастья попроще. Певица в престижном клубе – самый легкий вариант, если хочется быстрых денег. Для своих лет ты весьма популярна.

– Читать умеете, – хмыкнула я. – Все это можно найти в моем личном деле.

Ну разве что про оперу нельзя. Но не думаю, что с его связями это проблема.

– Тогда продолжим. Мать – эмигрантка, бежала из Рагра-на после смены власти, которая привела к налету и последовавшему за ним голоду. Долгое время вы жили в столице, где еле сводили концы с концами, после чего перебрались в Мэйстон. Здесь ей удалось устроиться в отель горничной и встретить твоего отчима, который работал на производстве аккумуляторов для флайсов. У них задалось.

Невинные поглаживания и дрожь по телу. Я закусил губу, чтобы сохранить остатки самообладания, но оно давно приказало долго жить. Все тело превратилось в оголенный нерв, по которому бежали яркие всполохи предвкушения. От солнца уже болели глаза, поэтому я зажмурилась. Исключительно поэтому, а не потому что не было больше сил выносить его взгляд. Тяжелый и затягивающий, как вода на глубине.

– Ты его любила, как родного отца. И все бы хорошо, но после смерти матери этот парень решил, что даже родная дочь ему не нужна, и нашел себе другую семью. – Он резко отступил назад. – В результате твоя сестра трудный подро-

сток, а ты сама, девочка из низов, не понаслышке знакомая с тем, что такое нужда. Бралась за любую работу, чтобы накопить деньги на обучение. Поклялась, что никогда и ни от кого не станешь больше зависеть. Ни от мужчин, ни от обстоятельств.

Свобода оказалась горькой и отрезвляющей – в точности как его слова. Оставшись одна на безумной высоте, я глядела, как блещут вспененные волны Гельеры. Хотя может, блестящих не только волны. Глаза горели, а дышать было нечем, поэтому я не оборачивалась. Замерла, глядя на бесконечное движение вниз, дожидаясь, пока уймется сердце.

На самом деле отчим был неплохим человеком. Он безумно любил маму и справлялся с ее смертью по-своему, с другой женщиной. Хотя первые месяцы после ухода я отчаянно его ненавидела, потом это прошло. Надеюсь, Танни тоже сумеет простить.

– Хорошо подготовились, местр Халлоран. – Голос даже не дрожал. – Но вы по-прежнему ничего обо мне не знаете.

– До завтра, Леона.

Слезы уже не грозили затопить кабинет по самый плазменный монитор на стене, зато в груди горело от ненависти. Горело так, что я с трудом подавила желание потереть ее ладонью, разгоняя кровь и восстанавливая дыхание. Еще немного, и я его убью. Или мне сломают руку, что вероятнее. Поэтому быстрым шагом направилась к дверям, остановилась только чтобы подхватить массивную золотую стату-

этку в виде дерева. Размахнулась и от души запустила ей в монитор, висящий над столом. Черные брызги разлетелись в разные стороны, а я молнией вылетела из кабинета.

Пробежала мимо обалдевших секретарей, из приемной свернула наугад. Указатели привели к дальним лифтам – видимо, именно к ним меня отправлял охранник. Вдавила кнопку вызова, и, когда двери распахнулись, буквально влетела в какого-то мужчину.

– Осторожней, милая! – Меня подхватили под локоть.

– Риинский дракон тебе милая! – Рывнула, вырываясь.

Успела только углядеть белоснежные волосы, аккуратно зачесанные назад, серые глаза и волевой подбородок – прежде, чем двери отрезали меня от незнакомца. К счастью, в кабине я оказалась одна. Привалилась к стене, не обращая внимания на стремительно приближающийся город. Обхватила себя руками, пытаясь унять крупную, сотрясающую все тело дрожь. Несколько минут назад я была преступно близка к тому, чтобы позволить иртхану делать все, что ему вздумается. Поднажми он самую малость, воспользуйся своей магией, голосом, и я бы растеклась под ним прямо в его кабинете.

Интересно, можно ли считать извинение удавшимся? Потому что Халлоран только что знатно меня поимел.

Глава 3

В руках Лэмерти Долливан – массажистки-волшебницы и по совместительству моей лучшей подруги, способно расслабиться даже промерзшее бревно. Но сегодня именно им я себя и чувствовала: напряжение отказывалось покидать тело, словно меня перенабили перьями, как неудавшуюся подушку. Музыка для релаксации звучала приглушенным фоном, сильные руки уверенно растирали плечи и спину, но я никак не могла перестать думать о случившемся на сто двадцать третьем этаже центра Лаувайс. Надеюсь, Лэм ничего не заметит, не хочется ее во все это вмешивать. Вздохнула и попыталась растечься по кушетке, от которой приятно пахло фруктовым маслом, вместо этого сдавленно ойкнула, когда жесткие пальцы прошли по зажатым мышцам.

– Лапонька, так не пойдет. А ну рассказывай, что у тебя случилось?

Не заметит она, как же.

– Ничего особенного.

– А если подумать?

– С чего ты вообще взяла, что у меня что-то произошло?

– С того, что тебя колотило, пока ты раздевалась?

И ничего меня не колотило. Так, потряхивало слегка.

– Я замерзла.

– Ага. Кому другому вешай драконью чешую на уши.

М-да. Не отстанет ведь, пока не расскажешь.

– На меня напал ир்தхан.

– Надеюсь, ты хотела сказать «запал».

– Можно и так выразиться.

– Давай-ка перевернемся.

Я легла на спину и стянула с лица невесомую маску, чтобы видеть Лэм.

– Ну и?

– Я его послала.

Выщипанные идеальным мостиком брови приподнялись. Лэмерти умеет быть очаровательной – миниатюрная, с шоколадным цветом кожи и миндалевидными карими глазами, напоминает модельную куколку из магазина «Детское счастье». Вот уже несколько лет работает в «Пряном волшебстве», достаточно дорогом салоне, чтобы обеспечить себе неплохую жизнь. Мы с ней познакомились здесь же, когда я искала себе массажистку. А потом они через меня познакомились с Дрэйком, и теперь у них роман. Который длится достаточно давно и плавно подбирается к новому уровню – обручальной росписи на груди, аккуратно над сердцем.

– Что, настолько противный?

– Даже не представляешь насколько!

Вспомнила глаза Халлорана, его голос, и меня перекосило. Видимо, основательно, потому что Лэм нахмурилась и сочувственно покачала головой.

– В Ландстор-Холл?

– Ага.

– Осторожней с иртханами, лапонька. У нас из эстетической косметологии одну девицу поперли только за то, что она на кого-то из них недовольно посмотрела.

Ну да. А я сегодня высшему визор расколотила.

Тяжело вздохнула и вернула маску на место.

– Все настолько ужасно? – теперь Лэм массировала мягче.

Я прикрыла глаза, отдаваясь власти умелых рук. Ладно, получится или не получится отдохнуть, дело десятое. Но попробовать все-таки стоит.

– Как сказать.

– Что, вот так прямо взял и подкатил?

Более прямые только магистрали над мостами или металлические каркасы строящихся высоток.

– На улице караулил?

– В ложе.

– Но Эвель же такое не приветствует. Нет, я понимаю, иртханы, и все такое, но правила Ландстор-Холл достаточно четкие для всех. Никаких романов в клубе.

– Если дело не касается Халлоранов.

– Что?

По ощущениям, Лэм подскочила на пару метров. Только профессионализм взял свое, и руки так и не оторвались от моих бедер. Там, где она меня касалась, по телу разливалось приятное тепло. Легкий аромат нагретого масла заставлял блаженно жмуриться и урчать, как довольный виар. Да ну его

к драконам, этого Халлорана. Кто он такой, чтобы тратить на него мое личное время, мою жизнь и мой выходной?!

– Энтар Халлоран? Ты серьезно?

Теперь уже чуть не подскочила я, но не потому, что сейчас мне довольно активно разминали живот и грудь. Просто очень некстати вспомнила, где видела белобрысого, с которым судьба столкнула меня у дальних лифтов. В новостях, каким бы смешным это ни показалось. Энтар Халлоран, второй наследник правящей династии Мэйстона. Сейчас заканчивает Академию и, видимо, понемногу приобщается к семейному бизнесу. Точнее, к бизнесам, которых у его семейки тьма тьмущая. Если что-то еще не затянуло в корпорацию Халлоранов, то оно либо бесперспективное, либо недостаточно масштабное.

Но Лэм ждала ответа, и я решила пойти до конца:

– Рэйнар.

– Ты прямо сейчас надо мной издеваешься?

– Я прямо сейчас думаю, как мне не вылететь с работы.

– Погоди-ка... Эвель что...

– Угу.

– Вот ларрка¹! – выругалась подруга и замолчала.

Какое-то время в кабинете царила тишина. Прерывалась она только легким шуршанием кондиционера, отголосками музыки и шелестом мягких туфелек Лэм, когда она двигалась вдоль кушетки. Наверное, стоило и впрямь подумать о

¹ Самка дракона, слэнг, ругательство.

чем-то серьезном, но все серьезные мысли испарились. А те что остались, вяло текли в блаженном глубоком русле, и все случившееся казалось далеким и несущественным. Голова становилась тяжелой, а когда подруга взялась за лицо и шею, я окончательно провалилась куда-то в далекие дали блаженства. Опомнилась только когда Лэм похлопала по кушетке и вручила мне длинный халат и одноразовые тапочки. Сонная и растаявшая, сползла на коврик и завернулась в предложенный наряд.

– Ты потом к Айну?

– Нет, у меня запись на следующей неделе.

Айн – мой колорист. Тот, кто сотворил для образа Бриаль Бетрой невероятно красивый шоколадный оттенок, который я поддерживаю вот уже несколько лет. Никто кроме самых близких не в курсе, что меня угораздило родиться блондинкой с песочными волосами. Ну, и еще нескольких сотрудников «Пряного волшебства», например, стилиста-косметолога и мастера по эпиляции. Поскольку в этом салоне обслуживаются даже ир்தханы, языки у здешнего персонала короткие. Иначе быстро окажешься на улице.

– Халлоран тебе совсем не понравился?

Может, и понравился бы. Если бы не считал, что может разложить меня на первой попавшейся поверхности, когда ему вздумается.

– Нет.

Лэм глянула на часы, притянула меня к себе и чмокнула

в щеку.

– Лапуль, рада с тобой поболтать, но у меня вот-вот клиентка. Через пару часов освобожусь, может, махнешь к нам, а? Чтобы дома не киснуть?

– А Дрэйк?

– Да он только рад будет! Давненько мы не собирались все вместе...

Подруга ойкнула и прикусила язык, но я только рукой махнула. Не убиваться же по несостоявшимся отношениям с Вальнаром всю оставшуюся жизнь. И плевать, что в квартире друзей все будет напоминать о нас, мы даже у меня реже встречались, чем у Лэм с Дрэйком. Просто у сестры с моим бывшим не сложилось, она называла его пафосным засранцем, а он ее – куколкой из зэд-шоу². Но даже если бы между ними все было нормально, сложно встречаться со взрослым состоявшимся мужчиной у себя дома, где живешь с сестрой-подростком. Реально сложно. Я помотала головой, отгоняя непрошеную картину воспоминаний, когда Вальнар заскочил ко мне во время обеда, а Танни неожиданно вернулась из школы.

– Я бы предложила клуб, но с этим реально могут возникнуть проблемы, – подруга подмигнула. – Одному засранцу давно пора понять, что гулять от него я не собираюсь. У, временами придушить готова!

² Телевизионное подростковое шоу, которое транслируют по молодежному каналу Аронгары.

Своей граничащей с помешательством ревностью пианист удивлял даже меня: при внешнем пофигизме и работе в шоу-бизнесе, умудрялся ревновать подружку даже к подмигивающим габаритками флайсам. А может, дело было как раз в том, что он слишком давно работал в Ландстор-Холл и сам отчаянно любил флиртовать. К счастью, дальше флирта после встречи с Лэм дело не заходило. Есть у меня подозрение, что он перебесится, как только Лэмерти примет его предложение. А пока она не спешила связывать себя брачными узами, творится такая вот дребедень. По большому счету, все мужчины страшные собственники.

– Так что, приедешь?

– С радостью.

– Вот и здорово! Тебе точно не помешает отвлечься, – подруга подмигнула. – Так что давай в душ, потом одевайся и дуй домой. После работы я тебя подхвачу и двинем в нашу сторону. Замутим пару горячих коктейлей, поговорим по душам, врубим музыку на полную, потанцуем. Нарисуем твое начальство и спалим его в духовке...

Я рассмеялась и увернулась от ее руки, но та все-таки успела сорвать с моих волос прозрачную шапочку, которой теперь размахивала, как флагом.

– Как там у тебя в песне поется? Эту ночь мы с тобой не забудем?

– Эта ночь нас с тобой не забудет.

– О да, детка, – Лэм ухмыльнулась и вскинула ладони, по

которым я ударила в ответ. – Этой ларрке однозначно будет, что вспомнить!

– Накрылся *опой дракона, представляешь? – расстроено сетовала подруга, опрокидывая в кастрюльку бутылку кистонского вина и ожесточенно помешивая.

– Ничего, починишь, – я успокаивающе погладила Лэм по руке. – Он же у тебя застрахован.

– Только это и радует.

В ее новенькой модели флайса и правда на удивление быстро накрылся аккумулятор. Двух месяцев ведь не прошло со дня покупки. Или я что-то путаю? Я могу. После того, как устроилась в Ландстор-Холл, время летит с невероятной скоростью, неделя только начинается – и сразу заканчивается.

Потянулась за специями, стоявшими на полочке: остатки мыслей выветривались со скоростью полета на аэроэкспрессе. И так хорошо было не думать ни о каких проблемах, а главное о завтрашнем дне. Напевая себе под нос, осторожно добавила в кастрюльку камартовый флар³ – смягчающая сладость немного подчеркнет кислинку, бросила пару ароматических звездочек и одну горьковатую палочку для вкуса. Запах от шантвейна стоял умопомрачительный, а бокалы с толстыми стенками уже ждали своего часа на прикрытых

³ Камартовый сироп – сироп из сока камартового дерева. Умеренно-сладкий, густой, сливочного цвета.

блюдцами салфеточках. Я сунула туда разноцветные трубочки и украсила парными ягодками литтона – красновато-фиолетовыми, кисло-сладкими, сочными.

Подруга продолжала мешать, а потом убавила огонь и прикрыла кастрюльку крышкой.

– А, наблы⁴ с ними! Покатаюсь пока общественным транспортом.

Скоростные аэропоезда мне нравились, разве что народу в них в час пик – не пробиться, но в такое время можно вызвать заказной флайс. А так все удобно, в любую точку Мэйстона добираться очень быстро. По сравнению с подземкой они просто чудо, там вообще народ трамбуется так, что только по волшебству к потолку из общей массы не выскальзывает. Я об этом знаю не понаслышке – когда жили на нижних уровнях, денег только на подземку и хватало. Благо, эти времена остались в прошлом.

– А позвонить им, чтобы сами забрали, нельзя?

– Можно, но там все равно бумаг оформлять кучу. Это нужно целый день из жизни выкинуть, а у меня график...

Работала Лэм не меньше моего. Они с Дрэйком снимали квартиру попроще, потому что копили на собственное жилье. Вкалывать для этого приходилось знатно, им обоим. Ну а что делать, недвижимость в Мэйстоне стоит бешеных денег. Причем не только покупка, но и налоги на нее, деньги на которые тоже нужно откуда-то брать. Первый налог – два-

⁴ Набл – пещерный зверь, падальщик. Немного крупнее виара.

дцать пять процентов от стоимости, дальше проще, но все равно с неба такие подарки судьбы не падают.

– Та-ак... – подруга водрузила на барную стойку вазу с фруктами, я подхватила тарелки с тарталетками и канапе.

Кухня у нее была просторная и стильная: черный камень и золото. Этаж пониже моего, но из панорамного окна все равно было видно высотку, где я сегодня побывала. По-хорошему, мне бы из трусиков выпрыгивать от счастья, но как-то не выпрыгивалось: то ли трусики малы, то ли счастья для ускорения недостаточно. Как же, местр, правящая семья, хранитель города. Собственно, причина того, что драконы не подлетают к Мэйстону, заключена в центральной башне Лаувайс.

Иртханы держат современные технологии в секрете, чтобы никто не мог навредить городу или разрушить щит. Источник – предположительно, ментальная магия, голосовые вибрации, преобразователь, но никто не знает, как это происходит. В старину приходилось отражать атаки на поселения при появлении драконов, но с развитием прогресса появилась возможность держать защиту постоянно. После этого в мире стали появляться и разрастаться мегаполисы, пожиравшие маленькие города и округа. Мэйстон, например, давным-давно состоял из отдельных разноименных островов, большинство которых не раз горело.

– Так вот, недавно назревал очередной скандал... – Лэм ткнула в панель управления плиты и облокотилась о стой-

ку, дожидаясь, пока шантвейн настоится. – А я ему говорю – чем языком так активно двигать, подвигал бы чем-нибудь другим. Ну так мы с ним чуть диван не раскурочили.

Я прыснула.

– Так бы всегда.

– И не говори. Иной раз вернется из этого вашего сценического ада – человек-человеком, а иногда как дракон *опу поджарил. Что вы там с ним делаете?

– Сейчас горячий сезон, выступление за выступлением. Все нервные, вот и бросаются друг на друга.

– Да я уж заметила, – проворчала подруга. – Если даже Эвель с крышей не дружит...

Я передернула плечами, а Лэм подалась вперед.

– Слушай, может тебе заболеть, а? Ну, позвонишь этой ларрке Обри, скажешь, что живот прихватило, и все такое. У Халлорана наверняка дел по горло, а баб вокруг вьется, как ос над пирожными. Забудет про тебя, и все образуется.

Наверное, это даже могло сработать. Если бы я сегодня не вломилась к нему в офис. Теперь он про меня еще долго не забудет, и – что-то мне подсказывало, так просто не отвяжется.

– Хотелось бы верить.

Я уселась на высокий стул и подперла подбородок руками.

– Ну или скажи ему, что у тебя парень есть.

– Да он знает обо мне больше, чем я сама!

– М-да. Об этом я как-то не подумала, – подруга трянула

головой и с визгом отбросила крышку. – Ай, горячая зараза! – Потерла ладонь об обтягивающие домашние штаны и принялась разливать шантвейн. – Ладно, утром всяко лучше думается, на свежую голову.

Почему-то «свежая голова» рядом с Халлораном работала плохо, но это я уточнять не стала.

– Я вроде как собираюсь принять предложение.

Лэм поставила на стойку бокалы с дымящимся ароматным напитком и запрыгнула на соседний стул. Вытянула руку, показывая колечко, которое Дрэйк ей подарил на помолвку. Тоненькое, с золотым камушком в форме капли. Красивое. То, что она его надела, означает, что предложение принято, и что все действительно очень серьезно. В Аронгаре не многие обременяют себя брачными узами, это удел правящих и родовитых семей, остальные предпочитают не заморачиваться. Хотя бы потому, что церемония нанесения росписей – это нерушимая клятва. На всю жизнь.

– Ох... – я широко улыбнулась. – Поздравляю! Очень за вас рада. Очень-очень!

– Ну да. Решилась вот, – подруга немного смущенно подцепила канapé. – Понимаешь, я без него теперь... ну как дракон без гнезда. Ссоримся, расходимся по разным комнатам, и я тут же начинаю дико скучать. Скажешь, сумасшедшая?

– Влюбленная.

Все, конечно, прекрасно, но мне такого счастья не надо. Это слишком... выматывает. Вальнар, например, сцен не за-

катывал, он для этого слишком гордый. Разве что был против моей карьеры – постоянно говорил, что стоит либо сменить профессию, либо бросать работу вообще. Считал, что вполне способен нас обеспечить, что не стоит тратить время на сцену, где меня ощупывают похотливыми взглядами все, кому не лень. Злился, когда я выходные проводила с Танни, а в конце концов поставил вопрос ребром. Либо я переезжаю к нему, либо продолжаю «нянчиться» с сестрой и «голосить на потеху публике». Так мы и расстались.

– Ну... – Лэм подняла бокал, и мы соприкоснулись краями. – Тогда за дружеские посиделки!

– И за скорую свадьбу!

Я подмигнула, а подруга смутилась еще сильнее. Горячий шантвейн был сладким – не в пример обжигающе-горькому цветочку, попавшемуся мне на язык. Насыщенного фиолетового цвета из-за ликера, с ягодкой, насаженной на шпажку-зонтик. Обычно ягодки надолго не хватало, но сегодня я решила оставить ее на закуску. Предвкушение всегда круче, чем сам процесс. Пока смотришь на ягодку, и думаешь, как будешь ее есть... Наверное, примерно так обо мне думал Халлоран.

У-у-у, драконище драное!

– Наслаждайся свободой, лапонька. – Подруга словно мысли мои читала. – Когда на твоей улице перевернется флайс с настоящим мужиком, познаешь все прелести совместной жизни.

Не думаю, что я готова к совместной жизни. Хоть с кем-то.

– Так, все, больше ни слова о мужиках, – Лэм провела рукой по губам, словно застегивала молнию. – Лучше расскажи, та долговязая так и продолжает тебя доставать?..

За беседой мы съели все, что приготовили – удивительно, какая вместимость у хрупкого женского организма в хорошей компании, а главное, под шантвейн. Говорили о моей работе, о ее работе, обо всякой ерунде, шутили и смеялись. Успели потанцевать и даже пели – так, что снизу несмотря на хорошую изоляцию кто-то начал стучать в потолок. Пришлось снова перемещаться на кухню и стараться не хохотать в голос, даже если очень хотелось. Очнулись только когда в холле щелкнул замок, раздался женский смех и звучный голос Дрэйка:

– Лэм, я с гостями.

Мы не успели ответить: на кухню ввалился Вальнар под руку с рыжеволосой девицей, а следом за ними – будущий счастливый муж, который пока еще ничего не знал. Повисло неловкое молчание. Мы с бывшим смотрели друг на друга, улыбки на лицах друзей стремительно таяли, только спутница моего парня... то есть уже не моего, продолжала ухмыляться так, словно ей губы приклеили.

– Привет, Леона.

Его голос, такой родной и знакомый, всколыхнул целую бурю чувств. Как-то очень не вовремя нахлынуло, как мы си-

дели на этой самой кухне на одном стуле, а Вальнар целовал меня в шею и говорил, чтобы я не ерзала, иначе мы не доедем до его дома. И то, как мы валялись на ковре, глядя историческую драму, а они с Дрэйком устроили бой фантиками от конфет. Мы с Лэм сначала просто смеялись, а потом присоединились. То, что расстались мы всего пару недель назад, и вот теперь у него уже другая девушка. Которая, кстати, роскошно смотрится в пальто с меховой оторочкой и сексуальном вечернем платье, а я тут сижу в джинсах и свитере с подвернутыми рукавами.

Стало как-то горько. Горько и противно.

– Я пойду.

Лэм метнула на Дрэйка испепеляющий взгляд, но он только растерянно пожал плечами. Подруга догнала меня уже в холле, где я застегивала куртку и прыгала на одной ноге, пытаясь натянуть ботинок. Если по отношению к ней можно применить слово «побледнела», то это оно и было. Привычный шоколадный оттенок кожи потускнел, словно его размыли широкой кистью.

– Слушай, я ничего не знала, правда...

– С ума сошла? – я щелкнула ее по носу. – Все в порядке. Наконец-то запрыгнула в сапог, обняла ее и поцеловала.

– Занимайся гостями и не заморачивайся. А мне еще Марргента выгуливать.

Прежде чем Лэм успела открыть рот, я сбежала в радушно приоткрывшуюся дверь.

Петь. Просто петь. Будто вокруг не существует никого и ничего. Будто растворяешься в собственном голосе, льющейся музыке и полусвете. Есть только ты и зала, а голос парит, отражаясь от стен, плещется под высокими сводами клуба и путается в портьерах. Преподаватели называли мое звучание не поддающимся классификации: когда голос способен подняться до самых высоких нот и опуститься к достаточно низким.

Я с тобой... до последнего вдоха

Я с тобой... пока вьется пульс.

Милый мой, я знаю, все плохо.

Мой любимый... я не боюсь.

Я пою, потому что не могу иначе – мне кажется, что вместо первого крика во младенчестве у меня с губ сорвалась песня. Каждый раз, когда выхожу на сцену, моя жизнь расцветает яркими красками. Я люблю своих гостей, всех и каждого. И я счастлива, что им удастся вместе со мной – пусть даже ненадолго – окунуться в волшебство музыки и забыть о том, что осталось за дверями клуба. Ведь именно для этого я пою.

Сумасшедшая пьяная скорость.

Эта жизнь – ураган огня.

Я тебя никогда не забуду.

Дай мне знать, если любишь меня.

Последние аккорды затихли, и я вдруг поняла – что-то не так.

Дрэйк остался на месте, его руки плавно скользнули с клавиш на колени. Тишину разорвал прерывистый вздох. Полный зал, сотни взглядов. Скрежет вертящегося стульчика, когда пианист все-таки поднялся. Подошел ко мне, взял мою руку, мы вместе поклонились, и... Я никогда в жизни не слышала такого грохота. Люди словно с ума сошли: они хлопали так, что звенело в ушах, аплодисменты взлетали и бились о стены и своды, как рвущиеся на свободу виары. Гости вставали – один за другим отлетали стулья, а я стояла и смотрела в зал, как во сне. До той минуты, пока не пришла пора уходить. Смотрела на счастливые лица и понимала, что не могу этим надышаться.

Ну... так ведь и говорят, перед раскрытой пастью дракона в снежки не поиграешь.

Сегодня я вглядывалась в каждый портрет, в каждое застывшее на фото выступление – некоторые из них были еще черно-белыми. Ослепительные улыбки моих предшественниц и танцовщиц из знаменитого на весь мир шоу Ландстор-Холл «Звездный дождь». Оно проходило на большой сцене, на которой меня как-то застукал Дрэйк: я вышла в огромный пустой зал и представила, что уже пою в опере. Ну а что, говорят, это помогает. Представил, а потом оно и

в жизни появилось. Как-то так.

Глупости, конечно.

— Бри, слушай... — Дрэйк привычно проводил меня до примерной и теперь мялся у дверей. — Я не хотел, чтобы так получилось вчера. Правда. Понятия не имел, что вы с Лэм соберетесь поболтать по душам, иначе ни за что бы их не приволок.

Лэм мне сегодня уже звонила и полчаса выпытывала, все ли в порядке. Пришлось целых полчаса повторять, что да — все у меня замечательно. К тому же, во встрече с Вальнаром и его новой пассией, были и свои плюсы: я почти забыла про Халлорана. Правда, ближе к выступлению вспомнила, поэтому и пела, как в последний раз. Даже если бы в зале не осталось ни одного человека или нарисовались все двенадцать правящих, и то не заметила бы. Вот только ир்தхан так и не появился, что внушало надежду. Слабую такую, но все же...

— Все хорошо, — я притянула пианиста к себе и от души обняла. — Вальнар тоже твой друг, так что... все нормально.

— Точно? — он испытующе смотрел на меня.

— Точно.

Ну ладно, когда тебе так быстро находят замену, это не очень приятно. Но мы взрослые люди, расстались — значит расстались.

— И еще... — Дрэйк переминался с ноги на ногу, а потом вдруг ослепительно улыбнулся. Белоснежные зубы сверкнули. — Лэм ведь уже хвалилась колечком?

Я улыбнулась в ответ.

– Мы тут подумали... поскольку это ты нас познакомила... Хотим, чтобы и росписью тоже ты заведовала.

– Правда? – взвизгнула я и повисла у него на шее. – С радостью!

– Спасибо! – Сияя, как начищенная монета, он подхватил меня за талию и закружил. Невысокий, крепкий и жилистый, пианист легко удерживал меня над полом и вертел, как на карусели. – Ты прелесть.

– А то! – гордо заявила я, болтая ногами. – Да поставь уже, голова кружится!

Он поставил, и меня повело, пришлось опереться о стену.

– Так что, готовимся к свадьбе?

– Шустро и быстро! – он сжал мои руки и ухмыльнулся. – Пока невеста не передумала. Не представляешь, как я рад, что между нами все по-прежнему.

В ответ я только фыркнула и ловким щелчком сбила у него с головы шляпу: пианист едва успел ее поймать. Хотела сказать, что Лэм от него без ума, и, если уж она на такое решилась, скорее драконы явятся в город, чем она передумает. Но не стала. Мужчинам иногда полезно поволноваться, а то чаще всего тревоги по поводу свадебной суеты достаются нам, женщинам.

Мы с другом тепло распрощались, я шагнула было в царство цветов и уютный полумрак гримерной, и... снова выглянула за дверь. Откладывать разговор с Эвель – мало-

душно, но могу же я позволить себе эту небольшую слабость. Убедившись, что Дрэйк ушел, быстро скользнула в сторону большой залы. Жизнь в Ландстор-Холл кипела, навстречу мне попались девочки из танцевального шоу «Огненный шквал». Все как одна в пламенных нарядах с летящими пышными юбками. Мы на ходу обменялись приветствиями, они убежали на сцену, а я продолжила путь.

Повсюду сновал персонал, в отличие от гостевых коридоров, где было тихо, в служебном всегда царила суета. Он огибал здание по кругу и выводил к закрытым кулисам, в которые я и нырнула. Партера здесь не было: сцена не только поворачивалась во время представлений, но и поднималась на высоту, на уровень многоярусных балконов. Во время выступления на танцовщиц сыпались светящиеся искры, напоминающие звездный дождь.

Я вышла на сцену и запела.

Как в последний раз. Словно пыталась сохранить в себе это звучание, вибрацией рождающееся в груди и текущее в вечерний зал.

Ох, как мне бы хотелось...

– В Мэйстонской опере явно многое потеряли.

От визга спасло то, что я лишилась способности двигаться. И шевелиться. И разговаривать. Я вообще превратилась в статую, с ударением на букву «ю» – вроде тех, что живут в музеях, бережно храня воспоминания о прошлом. Или не очень бережно, у одних рук-ног-голов не хватает, а другие

опалены огнем.

– Что вы здесь делаете? – прошипела я, когда Халлоран шагнул из тени кулис прямо ко мне.

– Ваше любезное – не в пример некоторым – руководство, любезно предложило мне экскурсию...

О, мы уже на «вы»? Прогресс!

Всего-то и надо было, визор расколотить! Интересно, об этом Эвель тоже уже знает?

Поморщилась, представляя, сколько он может стоять, и во сколько мне обойдется душевный порыв.

– А вы, наверное, любезно согласились. С высоты своего положения.

– ...Но ее срочно вызвали по делам, и она ненадолго оставила меня одного. А тут вы, с арией Артомеллы. Вас не учили, что перебивать невежливо?

Он приближался ко мне медленно, как хищник, а я словно выросла в пол.

– Вас не учили, что преследовать женщин нехорошо?

– Разве я вас преследую?

– А что вы делаете прямо сейчас?

Халлоран остановился в каких-то сантиметрах. Сцепил руки за спиной и теперь смотрел мне прямо в глаза.

– Вы влюблены в Шайну Анж?

– С чего вы взяли? – я передернула плечами.

– Ария Артомеллы – ее любимая, если не ошибаюсь.

Ладно, зачет. Историю первой женщины-иртхана, сумев-

шей отразить атаку драконов на беззащитный город и умереть на руках у любимого, знает. Сложнее найти того, кто ее не знает. Точно так же, как Шайну Анж, которая первая за долгие годы вытянула эту бесконечную арию. И ни одну ноту не сорвала. Пела она, правда, в другом городе... И это странно. Правда оперой интересуется, что ли?

– А может, это вы в нее влюблены?

Я на всякий случай отвела руки за спину. Ну так, чтобы случайно никому чрезвычайно самоуверенному пощечину не вклепать и не остаться без пальцев. Или что он мне там обещал сломать?..

– Значит, не ошибаюсь.

Рядом с ним не спасали даже мои «любимые» шпильки. Вот как иртыхану это удастся, а? Я вроде ни на рост не жаловалась, ни на самооценку, но рядом с ним меня словно в зыбучие пещерные топи затягивает. И ни тебе веточки, ни соломинки, чтобы уцепиться. Мы так и застыли друг напротив друга. Он смотрел на меня, словно сканировал. Может, подарить ему недавний медицинский снимок моих ребрышек? Пусть повесит в своем кабинете и любит, а то по ощущениям примерно куда-то туда и заглядывает.

И все-таки сейчас я не чувствовала желания размазать меня по сцене. За легким прищуром и полуулыбкой скрывалось что-то новое. Что-то, что я пока объяснить не могла. Да и надо оно мне вообще, объяснять это?

Из оцепенения вывел быстрый стук каблучков и голос

Эвель:

– Местр Халлоран, благодарю за ожидание. Надеюсь... О!
Она вылетела из-за кулис и сейчас явно не знала, как незаметно запихнуть себя обратно.

– Благодарю за участие, эсса Обри. Вы ведь не станете возражать, если экскурсию продолжит Леона?

А? Я подавила желание стянуть ленточку с головы и подвязать челюсть. Кажется, пока я вчера тусила с Лэм, кто-то подменил этого типа. Хотя нет, вряд ли. Я его не просила звать меня по имени! Да если честно, я его вообще не просила меня как-либо звать.

– О... Разумеется, нет. Леона, начни с...

– Мы разберемся. Спасибо.

Не-а. Не подменили.

«Мы», местр Халлоран, великий и ушастый.

Кстати, уши у него нормальные. Хорошие такие уши. Красивые.

Виары и ларрки! О чем я вообще думаю?

А вот Эвель сдулась, сжалась и усохла еще больше, насколько позволял ее тощий объем, уменьшилась в размерах и кивнула. А этот вконец охамевший дракон протянул мне руку. Глаза его опасно сверкнули.

– Итак, Леона... С чего начнем?

Глава 4

– Гримерная, – сообщила я тоном голографического экскурсовода, шагая так быстро, что только благодаря непонятному мне волшебству не поскользывалась на каблуках. Попадавшиеся навстречу откровенно косились в нашу сторону, и я как-то равнодушно отметила, что моей репутации конец. От слухов теперь не отмоешься. – Гримерная, гримерная. Общая гримерная. Заглядывать будем? Там, правда, девушки могут переодеваться. Но вас это вряд ли смутит, верно?

– Вы со всеми так себя ведете? – Халлоран сощурился.

– Только с теми, кто меня достает. «Лунные вихри», – указала на черно-белое фото, где мужчины удерживали танцовщиц, и впрямь изогнувшихся в их руках как растущие луны. – В конце прошлого века две семейные пары танцевали при Ландстор-Холл и гастролировали по всему миру. После ухода со сцены отказались продать права на название и танцевальные номера, которые ставили сами.

– Эгоистично с их стороны.

– Вы так считаете?

– Искусство создается для того, чтобы нести прекрасное людям, разве не так?

– Даже если бы они их продали, не факт, что кто-то бы сумел повторить.

– Если бы композиторы закрывали права на мюзиклы, а режиссеры – на свои постановки, большинство шедевров осталось бы только в памяти наших предков. Теперь же мы с вами можем наслаждаться ими в той же мере, что и любой человек пару сотен лет назад.

Издевается он, что ли? Украдкой бросила быстрый взгляд, но лицо Халлорана оставалось бесстрастным. Огни от ламп в ажурных плафонах рассыпали неяркий свет, от чего его светло-серый пиджак казался металлическим, а темные волосы залитыми серебром. Да и сам он словно был существом из стали – двигался стремительно, быстро, останавливаясь разве что рядом с избранными фотографиями или портретами, слушая меня, а потом снова устремляясь вперед. Видно, что привык брать от жизни все и не привык отступать. Похвальное качество, в общем-то, если бы я не влетела в него в лобовую. В это самое качество и в его владельца.

– Там, – я указала в сторону закрытой двери, ведущей в соседнее крыло, – сидит наша администрация. Ничего интересного. А здесь...

Мы повернули за угол и оказались перед маленькой аркой, прикрытой портьерами. Настолько маленькой, что Халлорану пришлось пригнуться, чтобы пройти – правда, меня он пропустил вперед, поддерживая тяжелую ткань. В отличие от холодного света коридоров, здесь от простеньких настенных бра исходило тепло. Такое мягкое, солнечное, как в старых фильмах показывают. Играющее на ковролине неж-

ными красками и превращая агрессивный красный в сочный коралловый. Просторная когда-то зала была завалена сверху и донизу.

– Сейчас здесь склад... всего.

Склад был действительно всего. Сюда сносили отжившие свое декорации, реквизит, старую мебель, сваленную горой, рамы от разбитых зеркал, портреты и репродукции, которым не нашлось места ни в залах для гостей, ни в коридорах. В ближайшем углу завалялась даже старинная люстра, щедро припорошенная пылью, с тысячами подвесок, которые жалобно зазвенели, когда Халлоран поддел одну из них пальцем. Блики света заиграли на них, отражаясь в его глазах, от чего создавалось странное чувство, словно на меня и впрямь смотрит дикий зверь. Неукротимый, опасный и непредсказуемый.

Отправив мысль ментальным пинком на задворки сознания, продолжила:

– Сердце Ландстор-Холл. На этом самом месте сто семьдесят один год назад было построено первое здание... ну, если сделать скидку на высоту.

Современный клуб возвышается над городом на огромной площадке, стальной монолит уходит на сорок уровней вниз, внутри которых находятся парковки для гостей и лифты. А наверху устроилось новое здание, венчает которое полупрозрачный цветок. Этот цветок расположен как раз над большой залой, каждый лепесток подвижен, и во время шоу

они могут меняться местами, от чего создается ощущение, словно небо над тобой распадается на части и собирается заново. Иногда – в хорошую погоду, на летних представлениях, лепестки раскрываются и гости, и актеры оказываются под настоящим звездопадом.

– Оно сгорело спустя десять лет после первого представления, во время ландсаррского налета.

Ключевые события историки называют по имени правящих династий, чтобы не путаться. Тогда в Мэйстоне правила Ландсарры, которых Совет двенадцати отстранил именно после этого страшного случая. На их место поставили предка Халлорана, Керрана I, и с той поры город больше ни разу не подвергался нападениям. Что неудивительно, из поколения в поколение благодаря бракам правящих семей кровь становится только сильнее. А его прапрапра... не будем уточнять, уже был достаточно силен, если не побоялся вступить в разоренный полыхающий и объятый ужасом город, из которого бежали даже правители. И развернуть драконов обратно, в их пустоши.

– Ру Прейс, тогдашний владелец Ландстор-Холл, на развалинах устраивал бесплатные представления. Он выходил сам как конферансье, а певцы и танцовщицы выступали прямо под открытым небом. Ру платил им из своих сбережений.

Нам рассказывали это на углубленном курсе истории искусств, куда я записалась после выбора специализации. Впервые услышав эту историю, я плакала. Представляла, как

вечерами опустошенные, потерявшие близких люди тянутся к обгоревшим руинам кабаре, чтобы ненадолго забыться после восстановительных работ. И как над разоренным, ощерившимся гнилыми зубами городом садится красное солнце, разорванное пронзительной песней или завораживающими танцами.

– Его сын взялся за возведение нового здания, кода эстерд Прейс доживал последние годы. Он думал, что не дождется завершения строительства, но за несколько дней до смерти все-таки успел посмотреть на четырехэтажный клуб, в котором было целых два зала. И гораздо больше мест для гостей.

Я вскинула голову, не совсем понимая, почему голос принадлежит не мне.

– Вы задумались, и я решил продолжить.

А еще он решил подкрасться ко мне вплотную, и теперь его ир்தхамство стояло непростительно близко. Холодный резкий аромат, смешанный с терпкой пряностью сигар. Исходящий от него жар – животный, волнующий, пламенной волной прокатился вдоль позвоночника. От макушки до кончиков пальцев ног, до сумасшедшего желания потянуться к нему, касаться кожи. Губами. Языком. Всем телом. Но прежде чем я позволила этой мысли себя оглушить, Халло-ран притянул меня к себе. Резко, рывком, как захлопываются лепестки хищного цветка, поймавшего жертву. Горячие руки скользнули по обнаженной спине, вызывая новый при-

лив жара, а губы смяли мои – жестко, яростно, властно.

До судорожного вздоха, отозвавшегося в груди сладким теплом. До напряженных сосков, которые ласкала прохладная ткань. Хотелось чувствовать эти жесткие, горячие, подчиняющие губы. Запрокинуть голову, развести бедра, позволяя ему делать все, что он хочет. Позволяя себе делать с ним все, что хочу я.

В себя пришла, когда меня толкнули к стене, сжимая запястья над головой. От запаха пыли, от хруста чего-то под каблуком, а может, от осознания абсурдности ситуации – глава правящей семьи собирается поймать певичку в подсобке. Просто сюжет для дешевого порнофильма.

Чем я вообще думала, когда привела его сюда? Купилась на разговоры про искусство, как последняя дура! Да не удалось ему все это искусство со всеми трогательными историями вместе взятыми. Просто он привык добиваться своего. Так или иначе.

Поцелуй оборвался вместе с дыханием.

– О Ландстор-Холл вы тоже знаете все, не так ли?

Халлоран сощурился, но меня отпустил. Даже отступил на несколько шагов.

– Изучали на досуге? В перерывах, между совещаниями.

– Привык знать, с чем или с кем имею дело.

– О, это я уже поняла, – я поймала руки на подлете – не поправлять же прическу или платье, будет слишком мелодраматично. – И не скучно вам? Все обо всех знать.

– Это значительно упрощает жизнь. Особенно в нашем безумном мире.

– Вам непростительно давно не делали приятных сюрпризов.

– Под приятными сюрпризами вы понимаете то, что устроили в моем офисе? – он усмехнулся.

Чувства, что я пережила, растянутая над стеклом, обрушились всей своей силой. Последний раз я так себя чувствовала, когда неожиданно отключили горячую воду. Успела как следует вспенить и смыть шампунь, а геля для душа на мне было прилично. С визгом выскочила из-под ледяных струй, разбрызгивая пенные капельки по плитке. Вот только тогда я завернулась в полотенце, а здесь даже полотенца не было. Драконы его дери, почему всякий раз рядом с ним я чувствую себя голой?!

– В таком случае желаю вам счастливой размеренной жизни без неожиданностей, – прошипела я. Меня мелко потряхивало. – Можете сдать билеты в кассу, концерт отменяется. А потом следуйте по указателям и вспоминайте все, что прочитали про Ландстор-Холл, местр.

Шагнула в сторону арки, но пальцы иртехана сомкнулись на запястье наручниками.

– Не играй со мной, девочка, – низкий, угрожающий голос.

Помилуйте, от такого дракон под себя наделает, а я – это просто я. И можно я уже пойду?

– Не стану, – пообещала искренне. – А впрочем...

Последние его слова вызвали нездоровое веселье. Думаешь, что может мне указывать? Снова и снова тыкать носом в пол, как нашкодившего виара? Что ж, играть – так играть по-крупному!

– Вы знаете обо мне так много, а я о вас ничего. Несправедливо как-то.

Он приподнял бровь.

– И что же ты хочешь знать?

– Давайте по списку, чтобы все было справедливо. Ваши родители.

– Всю жизнь прожили в Мэйстоне. Отец правил сорок три года, – хмыкнул он. – Мать занималась благотворительностью, это известно всем.

– Да-да, знаю, – я махнула рукой. – Ваш брат учится в Академии, и все такое. Но это правда известно всем. А что не известно? Ну, вы же раскопали историю моей матери с отчимом. Что-нибудь такое пикантное было? Я имею в виду – остренькое, с перчинкой, семейные тайны?

Глаза ирлехана сверкнули.

– Нравится ходить по краю, Леона-Бриаль?

Да, это у меня экстремальное увлечение такое: разозли Халлорана, называется, век бы его не видеть!

– А вам? – спокойно встретила его взгляд.

– Не боишься упасть?

– Иногда полет стоит падения.

– И сломанной шеи?

– Почему вы так не любите женщин, вам подружка изменила?

Меня полоснуло его силой. Наотмашь.

Не успела даже вдохнуть, как снова оказалась прижатой к стене. Запястья он без труда удерживал одной рукой, второй резко задрал мою ногу. Юбка поползла вверх, открывая плотное кружево чулок и ремешок пояса. Взгляд иртыхана не просто горел – он полыхал огнем, алый цвет стремительно заполнял радужку.

– Поговорим начистоту, Леона-Бриаль. Такие девочки, как ты, очень любят играть с огнем. И умело набивают себе цену.

Колено уперлось мне между ног, заставив дернуться. Но тело отозвалось на это совершенно иначе: горячая волна прокатилась от самого низа живота и до груди, заставляя все волосы встать дыбом. Взгляд иртыхана обжигал, сердце трепыхалось где-то в районе горла. И так же, как горели его глаза, горела и моя кровь, отравленная сквозь кожу жесткими прикосновениями. Прикосновениями, от которых мутился разум. Голова напоминала перевернутый зимний шарик с опадающими внутри снежинками, и когда Халлоран наклонился к моим губам, я со всей силы пнула его в бедро и оттолкнула.

– Отвали, драконище драное!

Не ожидавший такого отпора иртыхан, пошатнулся и раз-

жал руки. Я впечаталась в стену и поползла вниз, а он наткнулся на пирамиду из мебели. Раздался скрежет, лязг падающего ведра. Внутри оказалась какая-то дрянь бледно-желтого цвета, которая выплеснулась на пиджак и идеально прилизанные волосы Халлорана. Следом об пол бряцнулось ведро. Покатилось, сверкая остатками содержимого и оставляя за собой скользкий след.

Я смотрела на него долго.

Или мне так казалось. А потом перевела взгляд на ир்தхана и отчаянно пожалела, что ведро упало не на меня.

По дороге домой я не выпускала из рук телефон и смотрела исключительно на свое отражение. Отражение смотрело на меня огромными глазами и явно задавалось вопросом, на кой ему достался такой непутевый оригинал. Но темный экран не спешил оживать, а динамик – орать голосом разъяренной Эвель, что теперь я смогу петь исключительно в подземках. Думала, ир்தхан меня убьет – на месте, взглядом. Но Халлоран рывком стащил пиджак и вылетел из подсобки, а я на подгибающихся ногах поплелась в примерку.

– Эй, дамочка! – недовольно напомнил о себе водитель.

Я встрети́лась с ним глазами в зеркале заднего вида и прочла все, что он обо мне думает: укурилась.

– С вас сорок семь тэррингов.

Сегодня квартира встречала меня благословенной тишиной, но порадоваться ей я не успела. Стоило распахнуть

дверь – в нос ударил запах дешевых сигарет и пошла, вопли и пальба из визора. Свет был выключен, но холл и гостиную озаряли вспышки света с экрана, мутная завеса становилась то светлее, то темнее. Кто-то оглушительно заверещал, что-то разбилось, и я поняла, что Танни снова смотрит ужастик. Не одна.

Не снимая пальто и сапожки, прошла в комнату. В гостиной обнаружились двое лохматых парней, у одного из которых в носу и ушах блестели металлические кольца, а другой выглядел как герой комиксов, с размалеванным черно-белой краской лицом и выразительно стоящими разноцветными волосами. Посреди этого безобразия сидела моя сестрица, закинув ноги на колени одному, а голову на плечо другому. Все трое курили, на ковре валялась пустая бутылка и грязные бокалы.

– Эгей! Мамочка пришла! – воскликнул один из парней и помахал мне рукой. – Сейчас будет горячо.

– Это Грэнс, – сестра ткнула пальцем куда-то в сторону: так, что понять, кого именно мне представили, было невозможно. – А это Каррок.

– Я вам не мамочка, – первым делом коснулась панели выключателя. Свет зажгла самый яркий, заставив всех троих зажмуриться. – Это раз.

Выключила визор и увидела Марра. Он сидел у лестницы: тихий, напряженный. Уши прижаты, а хвост с глухим шкрябаньем елозит по полу.

Злой.

– А два? – проблеял второй кретин.

– А два – вы немедленно поднимете свои тощие прокуренные задницы с моего дивана и закроете за собой дверь. С той стороны.

– Эй! – сестренка вскочила, пьяно пошатнулась, но удержалась на ногах. – Это и моя квартира тоже!

– Но это не значит, что ты будешь таскать сюда всех подряд.

– Я че-то не понял, детка, ты нас сейчас выставляешь? – тот, что с разноцветными волосами, поднялся.

И не просто поднялся, угрожающе двинулся на меня.

Марр спружинил, раскинув крылья, а в следующий миг придурок с размалеванным лицом уже летел на ковер под оглушительный визг Танны и вопль своего дружка, который мгновенно протрезвел. Виар взмыл в воздух, а потом снова бросился на валяющегося на полу парня. Я успела только увидеть когти: заостренные, как лезвия, удлиняющиеся на глазах. И раскрытую пасть с иглами зубов, в которой рождался крохотный шарик пламени.

– Стой!

Бросилась вперед, заслонила собой придурка, который был как подстреленный набл.

Понимала, что уже не успею увернуться, поэтому закрыла руками лицо и сжалась в комок, но боли не последовало. А вот ветерок, гоняющий выбившиеся пряди туда-сюда, пока-

зался очень и очень странным. Приоткрыла один глаз и обнаружила зависшего в сантиметрах от своего лица Марра. Он махал крыльями часто-часто – чтобы удержаться на лету, и смотрел на меня. Странно так смотрел, словно ждал, что я скажу дальше. Огня не было и в помине, когти втянулись. Я хлопала глазами, а виар внезапно взмыл под самый потолок и исчез на втором этаже.

– Хренасе, – выдал парень с кольцами в носу.

И тут меня затрясло.

Я вдруг осознала, что из-за этих дебилов Марр мог порвать на куски не только меня, но и Танни. Превратить любого из нас в огненные факелы.

– Пошли вон! – заорала я, хватая первого, кто попался мне под руку – а именно пытающегося подняться черно-белого.

Подтащила к двери, распахнула, вышвырнула к лифтам и не без удовольствия наблюдала, как трусит за ним его друг, оставляя на полу грязные ляпки со своих десятисантиметровых подошв. С треском захлопнула дверь и протопала к окну, распахнув створку от пола до потолка, позволяя свежести ворваться в заполненную мерзким вонючим дымом комнату. Не сказать, что воздух на улице сильно чище, но по крайней мере эта дрянь стремительно выветривалась, позволяя дышать полной грудью без боязни выплюнуть собственные легкие.

– Ты чего творишь? – заорала Танни, когда я схватила ее за руку и потащила на второй этаж.

Вообще-то сестра уже скоро перегонит меня по росту и по силе я ей не соперница, но в таком состоянии ее хватало только на то, чтобы еле переставлять ноги и ругаться словами, от которых уши грозили свернуться лепестками алакании трубчатой. Не дожидаясь, пока поток ругательств иссякнет, втолкнула ее в комнату и нажала блокировку замка. С той стороны принялись дубасить кулаками и ногами. Судя по ударам, еще и с разбегу плечом. Ну да. Там, где есть сила, мозги уже не требуются.

– Открой! А ну открой немедленно!

– И не подумаю. До следующей недели никакой улицы.

– Но завтра начинаются выходные!

– Вот именно.

– Ларрка долбаная! – донеслось из-за двери.

– Ах, да. Еще завтра утром уберешь квартиру и вычистишь тот отстойник, который вы здесь устроили. Позориться перед Мэлз я не собираюсь.

Мэлз – приходящая уборщица, которая содержит наш дом в чистоте и уюте. Приятная женщина, по-аронгарски разговаривает плохо, но для меня это не важно. У нее трое маленьких детей и муж, который работает на расчистке свалок от аккумуляторов, поэтому Мэлз днем вычищает клетки в зоопарке, а вечерами ходит по квартирам. Их семья из Калхакрии, небольшого государства за океаном. Там постоянные налеты, поэтому и уровень жизнь куда ниже, чем у нас в самом задрипанном нижнем районе.

– Ненавижу! – донеслось из спальни сестры.

В дверь что-то ударилось – судя по всему, ботинок. А я вздохнула, посмотрела превратившийся в кошмар домохозяйки холл, и... пошла убираться. Ну не могу я оставить до утра эту грязь, да и успокоиться не помешает. Перед глазами до сих пор стояла оскаленная пасть Марра и когти, лежащие в лицо. Случись им достигнуть цели, руки бы расплосовали до кости. Далеко не факт, что кости бы целы остались: у виаров основное оружие даже не зубы, а когти. Так природа распорядилась – сил, чтобы защитить себя огнем перед горными драконами у них не хватает, зубами броню не взять. А вот перебить связки на лапах и крыльях когтями можно вполне.

Переоделась в домашнее, подвязала волосы и превратилась в нечто среднее между певицей из Ландстор Холл и Леоной Ладэ, какой я была до смерти мамы. Тогда еще только мечтала о том, что буду петь, но все мои мечты не шли дальше подпевания в ванной или на кухне, когда приходилось готовить ужин, загружать стиральную машинку или разгружать посудомоечную.

Пару раз уронив тряпку мимо ведра, поняла, что мне нужно выпить.

А что выпить, если из спиртного у нас в доме только ягодная настойка трехгодичной давности? Мне нельзя крепкие напитки из-за голоса, а гости у меня бывают редко. Из-за Танни.

Как выяснилось, настойка превратилась в застывшую дрянь, которую я вылила в раковину. Включила чайник и уселась пережидать последствия стресса: руки мелко дрожали. Может, чай спасет. Или кофе. Или просто горячей водички хлебнуть?

– Чего дрожите? – мрачно поинтересовалась у побелевших пальцев. – Ничего же не случилось.

Ну да. Только Халлорану по моей милости на голову упало ведро, а Марр чуть не нашинковал меня на спагетти.

Шкряб-шкряб-шкряб.

Шкряб. Шкряб.

Повернула голову и увидела Марра, виновато загребающего пушистыми лапами. Он смотрел мне в глаза и урчал, и я протянула ему руку. Одно движение – и мне уже тыкаются ладонью в нос, не переставая утробно урчать. Не выдержала, погладила, и шерсть над лобовыми чешуйками тут же раскрылась цветочком. Виары вообще долго злиться и обижаться не умеют, но если уж разозлились...

За все время, что Марр живет у нас, такое случилось впервые. А пьяный придурок вряд ли отдавал себе отчет, насколько виары чувствуют агрессию, и уж совершенно точно он не знал, что «подчиняющий» ошейник на нем только для вида, муляж. Ошейники, которые надевают на домашних питомцев, напрямую связаны с подавляющими волю кристаллами. Несмотря на то, что кристаллы блокируют инстинкты, иногда они все равно прорываются, но при малейшей угро-

зе достаточно просто нажать кнопку, чтобы зверя не стало. Ужас, в общем.

Благо хоть делаю я быстрее, чем думаю. Мальчишку виар бы порвал, а меня вот не тронул.

– Глупый ты, – сказала негромко, – надо уметь держать себя в... лапах.

– Ур-р-р-р, – ответили мне.

Внушительное пузико устроили на сиденье, лапки свесили по обе стороны от стула, хвост закинули на низенькую спинку. А голову куда? Ну мне на колени, разумеется, куда же еще. Я продолжала чесать довольно урчащую животину, пока не щелкнул чайник. Только тогда вспомнила про уборку, которую затеяла. И да, животину еще на улицу вывести надо, пока уборки не добавилось.

– Гулять пойдем?

– Виу!

Дважды звать не пришлось, миг спустя когти бодро цокали уже в коридоре.

А мои каблуки – спустя несколько минут – тоже. Правда, гораздо менее бодро.

Танни сидела на одном конце дивана, я – на другом. Между нами стояла миска с вафельными снеками, куда мы по очереди запускали руки. На меня дулись, хотя по-хорошему, дуться полагалось именно мне. Но не получалось, поэтому я пыталась сосредоточиться на шоу, где дальние родствен-

ники обретали друг друга после долгих лет разлуки. Понятно же, что все подставные актеры, но чтобы расслабиться и отвлечься – самое то. И не думать, что скоро меня уволят. Эвель так и не позвонила: видимо, решила высказать все в лицо.

Так, хватит об этом. Я захватила горсть вкусной вреднятины и принялась ей ожесточенно хрустеть. В шоу как раз выступали мужчина и женщина, нашедшие на улице маленького мальчика и воспитывавшие его до тех пор, пока не объявилась мамаша, заявившая на ребенка свои права. После суда мальчика вернули биологической матери, а им отказали в опекунов. Они были разлучены на года, зато теперь встретились.

– Ску-ко-тень! – заявила сестра, закидывая ноги на подлокотник.

Первая заговорила – значит, хочет помириться.

– А мне нравится.

– Фигня. Только не говори, что ты во все это веришь.

– Не скажу. Но кому-то не помешает поумерить цинизм.

– П-ф-ф-ф, – Танни ясно обозначила свою позицию на сей счет. – Мой родной папашка ускакал к первой попавшейся свободной бабе, сверкая задницей. Какой придурок приволочет себе оборвыша с улицы?

– Я взяла Марргента.

Из-за дивана донесся вздох, напоминающий человеческий. Виару было не до наших препирательств, просто очень

сложно вынести полную миску вафельных шариков со вкусом бекона, ни один из которых до сих пор не перепал ему. А между тем миска стремительно пустела, и это был серьезный повод для печали.

– Ага. Только налоги за него ты не платишь.

Это правда. На детей налоги такие, что мало не покажется – перенаселение сейчас страшное, особенно на нижних уровнях. Медицина тоже недешевая, аборт в социальную страховку не включены, не говоря уже о безработице. Вот и процветают повсюду подпольные, смертность от которых очень и очень высокая.

Кстати, о налогах. Надо поискать визитки владельцев клубов, которые мне присылали. Надеюсь, я их не все выкинула. Кое-каких сбережений на первые месяцы хватит, а вот потом может начаться напряг, если не найти приличную работу. Ключевое слово приличную. Но я найду. Ближе к Смене времен ожидается еще одно прослушивание в опере, попробую на него попасть.

– И вообще Марр у нас не зарегистрирован, у него даже кристалла нет. Поэтому однажды ночью он нас сожрет.

Сестра сделала страшные глаза, дотянулась до пульта и щелкнула, переключая канал.

– Эй!

Выхватить пульт я успела, но на этом все и закончилось – потому что с экрана визора на меня воззрился Халлоран. Точнее, не на меня, а на возвышавшуюся над собравшими-

ся на пресс-конференции светловолосую журналистку. Лицо иртыхана было жестким, в глазах сверкал металл: попадешь под такой прицел, легко не отделаешься. Поскольку залипла я намертво, Танни пришлось слушать вместе со мной его выступление по «Соларс Ван», главному каналу Мэйстона.

– Моя позиция по этому поводу была и останется однозначной. Браконьеры, производители рэгста и все, кто имеет к этому хотя бы малейшее отношение, заслуживают высшей меры.

– Совершенно с вами согласна.

Камера тут же перескочила на другого журналиста, вскинувшего руку.

– И все же. Уровень жизни многих сейчас оставляет желать лучшего. Могут ли рассчитывать на снисхождение те, кто вынужден всеми силами содержать свои семьи?

– И разрушать другие? – Халлоран привычно приподнял бровь, взгляд его стал еще более жестким.

– Какие меры предпринимаются для сокращения безработицы и снижения роста преступности на улицах Мэйстона?

– Только за последние годы было открыто несколько новых предприятий. Должности на автоматизированном безопасном производстве доступны для любого, кто хочет трудиться, не говоря уже о местах на управлении.

Властная сила, исходящая от него даже с экрана визора, заставляла ловить каждое слово.

– Но чтобы занять управляющую должность, нужно

учиться!

– По-вашему, это имеет значение?

– Разумеется, образование имеет значение.

– Значение имеет только то, хочет ли человек расти. Все прочее – отговорки.

Кадр сменился, и я поняла, что это была запись. На экране возникла телеведущая, расположившаяся за столом между двумя представительными мужчинами. Над ними висел огромный экран, по которому продолжалась пресс-конференция с Халлораном, только уже без звука.

– Две недели назад в Мэйстоне произошло разоблачение и захват крупной подпольной лаборатории по производству рэгста – синтетического наркотика на основе драконьей крови, – ведущую отличали огромные карие глаза, которые из-за подводки казались еще больше. Стрижка у нее была «под мальчика», прошлый век, но ей удивительно шло. – Этот опасный бизнес процветает уже долгие годы: чем «старше» кровь, тем дороже наркотик. Сегодня у нас в гостях мейстр Вэлис Горальски – ученый-драконолог...

Седовласый подтянутый мужчина слева от нее поднял руку.

– И Джаден Биллс, ведущий специалист фармацевтической компании...

– Ты что, правда будешь это слушать? – сестра ткнула меня в бок.

Я раздраженно покосилась на нее:

– Тихо!

– ...оценить, насколько справедливо заявление местра Халлорана касательно высших мер. Правда ли, что рэгст влияет на силу иртханов?

– Пока что его действие до конца не изучено, – тот, кого называли ведущим специалистом, взглянул на экран, – но да, он влияет на магию, как и кровь, на основе которой создается наркотик.

– Как именно влияет?

На уроках истории нам рассказывали, что в древности шаманы Пустынных земель – земель, где появились первые иртханы, вливали себе кровь драконов. Этот ритуал считался священным: получая кровь зверя, перенимаешь его силу. Древние кланы иртханов делились на охотников и защитников. Защитники оберегали поселения от налетов, охотники добывали кровь: неразбавленная, она дарила не только пьянящую эйфорию, но и повышала силу иртхана, возводила даже середнячка на небывалую высоту. Вот только эффект от этого был жуткий – потеря рассудка и превращение в зверя. В переносном смысле, конечно.

– Вызывает кратковременный, но очень мощный прилив сил.

– По закону за употребление такого «допинга» полагается пожизненное заключение с конфискацией имущества. За производство и распространение, как и за браконьерство – смертная казнь. Вы считаете это справедливым?

– Более чем, – отозвался фармацевт.

– Местр Горальски?

– Вполне, – тут же подтвердил драконолог, – поймать взрослого дракона – задача не из легких, поэтому по большей части похищают оставленных без присмотра детенышей. Родителей выманивают, разжигая костры, в которые подбрасывают раннарскую траву.

Раннарская трава – сильнейший раздражитель для драконов. Чувствуя ее запах, они свирепеют и начинают метаться, срываются с мест и нападают на всех, кто окажется у них на пути.

– Иногда похищают даже яйца из гнезд: кровь нерожденного дракона тоже годится для производства. Даже если ненадолго позабыть о вреде, который наносится людям, это бесчеловечно.

Тем не менее браконьеры рисковали и продолжают рисковать жизнью в охоте на подростков: чем старше особь, тем выше качество и сильнее воздействие. А значит, и денег больше.

– Правда ли, что магия иртханов возникла благодаря драконам?

– Принято считать, – драконолог сцепил руки на столе, – что именно ритуалы вливания силы породили среди людей первых иртханов. Тех, кто способен укротить драконов. Некоторые до сих пор называют нас драконами, что, как мы знаем, не совсем верно.

Ну разумеется, у них от драконов только магия и инстинкты. Которые обострились благодаря сражениям со зверем: попробуй тут помедли, когда рядом зверюга, способная насквозь прошить кончиком хвоста или пригвоздить когтями к земле. Не говоря уже о потрясающей возможности превратиться в уголек или ледяную статую.

– Способен ли рэгст привести к необратимой физической трансформации?

Ученый невольно улыбнулся.

– Даже если бы такое было теоретически... повторяю, теоретически, возможно, эсса... Боюсь, нет.

– Вы отрицаете саму возможность оборота?

– Я из тех скептиков, кто считает легенды просто легендами.

Эти легенды уходили корнями далеко в древность. Согласно им первые иртханы могли оборачиваться драконами, чтобы сражаться на равных. Впоследствии они от этого отказались, потому что такое превращение полностью уничтожало личность. Было ли такое на самом деле, никто не знает.

– Почему же?

– Наша магия по-прежнему полна загадок, но мне достаточно сложно представить себе этот процесс. Здесь замешана колоссальная энергия – пожалуй, на ее высвобождение уйдет весь внутренний резерв высшего, не говоря уже о рядовом иртхане. Таком, как я, например. Это верная смерть.

Драконолог многозначительно приподнял брови.

– Сейчас нас ждет небольшой перерыв, а после...

– Слава небесам! – раздалось справа.

Я повернулась к Танни. Сестрица наклонилась между колен, делая вид, что ее сейчас стошнит прямо на ковер.

Передача прервалась, пустили рекламу.

«Друга-а-ая жизнь», – запела девушка, управляющая открытым флайсом. Она счастливо улыбалась, рядом устроился мужчина, тоже ослепительно сверкающий зубами. Новенькая иссиня-черная модель мчалась по загородной дороге, петлявшей между гор. Склоны покрывали бесчисленные деревья, от зелени рябило в глазах, а над летящей по магистрали парой раскинулось безбрежное синее небо.

Рекламой этой виртуальной реальности пестрели все щиты города, она была в аэропоездах и на всех телеканалах. Лестела с экранов визоров и рассыпалась голографическим мерцанием на верхних уровнях. Какой-то умник придумал мир без драконов и магии, и разбогател. В нем люди могут спокойно путешествовать между городами, устраивать пикники, а природа там отличается от нашей – деревья не на учете, не только в парках и не под охраной ОПЗП, из них даже делают мебель и книги. Впрочем, до него, кажется, кто-то написал похожий роман, который особого успеха не имел. Зато сейчас с автором ведутся переговоры об экранизации.

Звяк.

– Скотина летучая!

Я увидела только улепетывающего по лестнице Маррген-

та и размахивающую миской Танни. Кажется, пока я смотрела на Халлорана и слушала историю его далеких предков, остатки вафельных шариков сожрал виар. А сестрица-то куда смотрела, спрашивается? На «Другую жизнь», что ли? Этого еще только не хватало! На нее сейчас вся молодежь подсажена, да и не только молодежь.

– Леа... По поводу вчерашнего...

Угумс. Сейчас начнется.

– Я вчера... ну, перегнула.

– Именно.

– В общем, я... слушай, все же обошлось.

С извинениями у Танни всегда были проблемы.

– Обошлось. Не считая того, что я полночи драила гостиную и слушала твои пьяные ругательства.

Ругалась она и впрямь долго. Пока не вырубилась прямо в одежде. На сей раз в плед ее закутывала я.

– Еще раз выкинешь что-то подобное, из дома будешь ходить только в школу и обратно. Ясно?

Танни кивнула.

– Я могу с Марром всю неделю гулять. Хочешь?

– Как ты вообще додумалась их домой привести?

– Ну... – она уселась на диван, стягивая волосы сразу тремя разноцветными полосатыми резинками в палец толщиной. Волосы разноцветные, и резинки тоже, все должно быть гармонично. – Просто у нас в классе есть две ларрки...

Под моим взглядом она осеклась и поправилась.

– В общем, они элита. А все остальные вроде как мимо бегают. Я с ними поцапалась, они натравили на меня парней, а Грэнс и Каррок помогли им вломить...

– Парням, я надеюсь?

Сестра кивнула, я же прикрыла глаза и мысленно застонала. Судя по всему, ожидается очередной вызов в школу.

– Ну а потом я решила их отблагодарить, купила бутылку вина, сигарет, и мы немного посидели.

– Кстати, о сигаретах.

– О-ой...

Я хмыкнула. Судя по их состоянию, и бутылка вина была не одна. Но упоминать об этом не стала.

– Я больше не буду, – поспешно сказала Танни. – Правда. Леа... Отдай мне ключи, а?

– Нет, – сказала я, поднимаясь и предупреждая возражения, добавила уже жестче: – Нет!

Все-таки не умею я быть строгой. Как подумаю, что Танни придется все выходные дома просидеть, сердце кровью обливается. Но иначе нельзя – если сядет на шею, потом ее оттуда не снимешь.

– А если надолго задержишься, кто с Марром гулять будет?

Я вздохнула. Вспомнила обтекающего непонятно чем Халлорана и ответила:

– Не задержусь.

Глава 5

В Ландстор-Холл приехала пораньше. Исключительно затем, чтобы успеть до выступления узнать, как скоро придется искать новую работу. Разумеется, Эвель не сможет выставить меня сразу – по крайней мере, я на это надеялась. Ей же нужно кого-то поставить на замену, а пока у нас все впритык. Впрочем, если Зетте сказать, что меня увольняют, она будет сутки напролет и без выходных петь до полного изнеможения. Такие мысли уверенности не прибавляли, равно как и мысли о том, куда идти дальше. Ландстор-Холл, конечно, не опера, но элитный клуб. Из конкурентов у него только Мьюзик Пейс, но туда соваться бессмысленно. После того как я отшила его владельца.

В административном крыле было тихо: на выходных здесь почти никого нет. Не считая Эвель Обри, разумеется, и ее бессменного секретаря – шустрого пробивного блондина по имени Лайл Харрис. Между собой мы называли его Смерч, потому что он умудрялся делать по несколько дел одновременно и перемещаться по Мэйстону быстрее сверхскоростного флайса. Собственно, рядом с Эвель иначе не получается: у нее не бывает выходных, и у него тоже. Не представляю, как в таком графике личная жизнь складывается. Хотя... кто бы говорил. Складывается она быстро, если не сказать схлопывается.

– Бри! – тот оторвался от монитора. – Привет! Ты ко мне, или?

Секретарь кивнул в сторону закрытой двери. Он смотрел на меня, но пальцы его продолжали порхать над клавишами. В том, что касается скорости печати, Лайл Харрис непревзойденный гений. По-моему, он даже во сне способен выдавать по десять страниц в минуту.

– К Эвель, – я присела на краешек стула. Надо же разведать обстановку перед тем, как сунуть голову в пасть дракону. – Она сегодня в настроении?

В этой приемной мне всегда становилось не по себе: темно-серые стены давили, сжимая пространство. Усугублялось это тем, что Эвель терпеть не могла открытых окон – считала, что деловую обстановку не должны разбавлять даже виды города. Спасали только кремовые жалюзи и светлые потолки, из-за них возвращалась способность дышать.

– Не в духе. С самого утра, – Лайл фыркнул и перестал печатать. Откинулся на спинку, кресло отъехало от стола. – Так что если ты с просьбой о выходном, лучше отложи до завтра.

М-да. Кажется, в ближайшее время мне светят одни только выходные, режим жесткой экономии и много телефонных звонков. Откладывать, в общем-то, дальше некуда, потому что дальше будет только хуже. Я все еще не теряла надежды, что удастся воззвать к женской солидарности, но после слов Лайла надежда сдулась, как пробитый шарик. И повисла на

ниточке прежних сомнений.

– Спрашивай, – тем не менее, вздохнула я.

– Ты уверена? – голубые глаза превратились в узкие щелочки.

– Да.

– Ну удачи... – секретарь потянулся было к телефону, но рука его застыла на полпути. – Кстати, а что там с Халлораном?

Начинается. Ладно, делаем физиономию монолитом и отвечаем со всем недоумением:

– А что там с Халлораном?

Лайл побарабанил пальцами по столу.

– Ну как же. Он два раза в Ландстор-Холл наведывался, а вчера ты ему еще экскурсию проводила.

Вот зря говорят, что разведка знает все. Больше всего знают секретари, любая разведка по сравнению с ними удавится от чувства собственной неполноценности.

– Пришлось, потому что Эвель была занята.

– Угу-угу, – тот кивнул и сделал брови домиком.

– У меня выступление через час, а я еще даже до гримерной не дошла, – заметив, что он собирается сказать что-то еще, выразительно рыкнула: – Звони!

– Слушаюсь, эсса, – секретарь фыркнул и снял трубку.

Пока из соседнего кабинета доносилось пиликанье, я постукивала по коленям. Сотни раз прокручивала в голове, как лучше построить разговор, но сейчас все варианты казались

заранее проигрышными. Например: «Я не знала, что на него упадет ведро». – Хотя была бы не против. Или: «Он убежал так быстро, что я не успела предложить ему почистить пиджак». – Но желания особо не было. Так увлеклась мысленным диалогом, что, услышав голос Лайла, подпрыгнула на стуле:

– Проходи.

Кабинет был выполнен в черно-белых тонах. Полупрозрачные черные плафоны бра рассыпали за спиной Эвель приглушенный свет, но ее рыжие волосы все равно казались огненными. Она изучала документы и даже не подняла головы, когда я вошла. Фотографии с видами Мэйстона тоже перетекали из черного в белое. Не сказать, что здесь дышалось проще, чем в приемной, но когда за тобой закрывается дверь, отрезая путь к отступлению, сразу становится проще. Внутри меня все еще что-то подергивалось, но уже не так часто, как по дороге на работу. К худшему я уже готова, поэтому если на меня не набросятся прямо через стол, другое выдержу.

– Леона. – Судя по всему, набрасываться она не собиралась, уже хорошо. – Что ты хотела?

Я нахмурилась. Либо Эвель потрясающе владела собой, либо что-то пошло не так. Если уж она ко мне домой заявила, чтобы сообщить о предстоящих извинениях, то после вчерашнего вела себя странно. Даже не сказала с порога, что если я хочу сохранить место, мне предстоит пожизненное

сексуальное рабство у Халлорана.

Подозрительно.

– Я по поводу работы.

Начальница прикрыла ноутбук и пристально на меня посмотрела.

– Если ты о деньгах, мы с тобой уже все обсудили. Я не стану повышать гонорар, пока ты не подпишешь контракт хотя бы на год.

А?..

Мне не предложили сесть, но я поискала глазами место, куда можно пристроить пятую точку. Исключительно ради того, чтобы она не перевесила после очередной фразы Эвель. Этим чем-то оказался белоснежный стул, который я аккуратно подвинула к себе и осторожно на него опустилась.

– То есть вы по-прежнему готовы предложить мне контракт?

Теперь уже нахмурилась Эвель.

– Припоминаешь недавний разговор? Зря. Я заботилась не только о себе, но и о твоих интересах. Даже если опустить денежный вопрос, такая строчка в портфолио способна сделать то, что твои менеджеры – когда они у тебя появятся – не смогут и за год.

Хорошо хоть села. Потому что если бы сейчас люстра с абажуром, собранным из сотен черных стеклянных капелек, рухнула вниз и наделась начальнице на голову по самые плечи, и то удивилась бы меньше. Не очень-то похоже, что вчера

Халлоран сообщил Эвель о нашем небольшом... инциденте. Вспомнился пылающий яростью взгляд, под которым плавилась кровь. В той подсобке ир்தхан стоял в двух шагах от меня, и мог сделать со мной все, что угодно. А после случившегося – запросто за все отыграться, но он промолчал. Почему?

– Леона. – Взгляд начальницы стремительно холодел. – Вы что, так и не договорились? Ты снова ему надерзила?

Разве что самую малость. Но вообще-то я тут ни при чем, просто у Халлорана возникло небольшое недопонимание с ведром.

Вот кто меня вообще тянул за язык и в этот кабинет?!

Брякнула первое, что пришло в голову:

– Договорились, разумеется. Я пришла, потому что... потому что хотела спросить, сможете ли вы освободить меня на два вечера – нужно будет как следует подготовиться к выступлению.

Фух, кажется, выкрутилась. Ничто не помешает Халлорану «отказаться» от сотрудничества со мной, оставаясь в блаженном неведении.

– Умница, – голос Эвель смягчился, как подтаявший леденец. – Думаю, будет справедливо, если у тебя будут выходные до и после выступления. Насчет свободных вечеров не переживай, наши менеджеры сумеют подстроить расписание и пиар-компанию. Да и публика успеет по тебе соскучиться за время перерыва. Детка, я лично позвоню местру Халло-

рану и обо всем договорюсь.

Умница-детка поймала свою нижнюю челюсть на попытках оторваться от верхней и упасть на колени. Почему меня не оставляет ощущение, что надо мной в последнее время летает тучка-попадалово?

– Леона. – Голос Эвель вернул в реальность. – Если ты готова подписать контракт, я попрошу юридический отдел подготовить договор. Подумай об этом серьезно. У тебя что-то еще?

Да. Нет. Наверное.

Дабы не усугублять, по-быстрому смылась из кабинета.

– Как прошло? – вопрос Лайла застал меня уже на пороге.

Вместо ответа вскинула руку с поднятым вверх большим пальцем. И направилась в примерную.

Дрэйк парил в облаках и брал такие аккорды, что публика билась в экстазе, а у меня никак не получалось сосредоточиться на выступлении. Когда привычный мир становится на острие иглы, воспринимается все немного иначе. Даже привычный туман над столиками, ароматный дым дорогих сигар и всплески оваций. В Ландстор-Холл не важно, выходные сегодня или будни – клуб был переполнен каждый день. Вот только чтобы попасть сюда на уик-энд бронировать столы или ложи приходилось за неделю. Я вглядывалась в темноту обрамленных шторами ниш, но безрезультатно. Если Халлоран и был здесь, заявлять о себе он не торопился. Рав-

но как и заявлять на меня права.

Напряжение гудело в висках, собиралось в груди. Впервые за все годы выступлений мне не удавалось раствориться в пении без остатка. И причиной тому наглая драконья морда, то есть... самоуверенная физиономия ирлхана, конечно же. Наверняка ведь что-то задумал, а сейчас молчит и тянет время, чтобы я как следует прониклась своим крайне ненадежным положением. Даже думать не хочу, что будет, когда ему позвонит Эвель. Похоже, выход у меня один: позвонить ему первой. Ну, или написать.

Вопрос только в том, с чего начать разговор.

«Добрый вечер. Я не хотела, чтобы на вас упало ведро».

И дальше:

«Простите за драконище драное. Не будете ли вы столь любезны сообщить моей начальнице, что только что передумали по поводу семейного праздника?»

При мысли о возможных ответах хотелось взяться за голову и заползти под сцену. Поэтому сегодня я искренне радовалась, когда мое время закончилось. Оказавшись в примерной, вздохнула с облегчением. Достала телефон, открыла корпоративный сайт Халлорана и долго выразительно пялилась на стильную фотографию ирлхана, которую вывесили с подачи его пресс-секретарей. Корпоративную почту выучила наизусть и несколько раз даже начинала письма, но на пятнадцатой попытке сдалась. Думаю, до завтра этот разговор потерпит.

Не готова я перед ним извиняться! Только не сегодня.

Да и не думаю, что Эвель на выходных будет звонить, так что время еще есть.

Собиралась быстро – хотелось поскорее очутиться дома. Как раз успела вызвать флайс и натягивала сапожки, когда в дверь постучали.

– Леона? – Клари отточенным жестом заправила за ухо белокурый локон. – Есть минутка?

– Что-то серьезное? – спросила, снимая пальто с вешалки.

По последней моде, приталенное, длиной до середины икр. Цвета кистонского вина, с двумя большими пуговицами на поясе и кармашками. Перчатки в тон ему нашлись в соседнем отделе, недавно я подумывала совершить туда набег, чтобы купить вторые, как раз под сапожки.

– Да нет, просто хотела поболтать, – теперь Клари закручивала длинные белые бусы, блики от которых скользили по бледно-розовому атласному платью. – Слушай, говорят, что мейстр Халлоран...

Ну разумеется. Интересно, уже весь Ландстор-Холл в курсе?

Ответить не успела: динамик разразился мелодией молодежной группы, от которой гримерша поморщилась. Неудивительно, я поставила ее на Танни, чтобы слышать даже из другой комнаты. Есть у меня привычка забывать телефон и забывать про него.

– Ключи не отдам, – сказала, едва поднесла трубку к уху.

– Леа... Они Марра забрали.

Сердце упало в пятки. Мою сестру достаточно сложно напугать, но сейчас голос ее дрожал. Не знала бы Танни, решила бы, что она плакала.

– Кто забрал? Куда?

– Эти идиоты... из ветеринарного надзора... сказали, что все случаи нападения виаров на людей проверяются... а у него нет ни регистрации, ни кристалла... Я не знала, что они его заберут... у них был ордер, и...

Танни осеклась и всхлипнула.

– Куда они его забрали?! – теперь я уже почти кричала.

Глубоко вдохнула и выдохнула. Истерика мне сейчас не нужна. Только трезвая голова и адрес, куда увезли Марра.

– На центральную ветстанцию.

Я вылетела из примерной, на ходу открывая карту и запоминая адрес. Помню только, как села во флайс, а потом как из него вышла. Центральная ветстанция располагалась в квадратном невысоком здании, напоминая о временах, когда многоэтажки еще не царапали небо. Она работала круглосуточно: когда я влетела внутрь, грузный, начинающий лысеть охранник недовольно оторвался от висевшего на стене визора, с которого неслась пальба и визг разгоняющихся флайсов. Перестрелка и погоня шли полным ходом.

– Дамочка, вы к кому?

– Мне нужно поговорить с вашим руководством. Или кто у вас тут сегодня за главного.

Мужчина ухмыльнулся и поднялся, облокотившись на ошетилившуюся царапинами стойку. Холл здесь тоже был простенький, достаточно небольшой, в казенных серо-зеленых тонах и плитке. Сильно пахло дезинфицирующими растворами и лекарствами, а еще животными: на центральную ветстанцию попадали найденные звери. Здесь же они и заканчивали свои дни, если их не забирали хозяева или в течение нескольких дней не находились новые. Забредавшие из пустошей наблы, отбившиеся от стаи, а еще виары, от которых отказались заводчики.

– Доктор Стейн сегодня дежурный, – хмыкнул он. – По какому вопросу?

– Забрать виара.

– Документы.

Я сунула ему карточку. Стараясь не кусать губы и не сорваться, потому что охранник делал все как в замедленной съемке, поглядывая в сторону визора. Понимая, что если сейчас сорвусь, зависнуть тут могу еще на полчаса, или же меня вообще развернут, отвела руки за спину. До боли вцепилась ногтями в ладони, чтобы прийти в себя.

– Двенадцатый этаж, налево, – в руки сунули затертый пропуск, и я рванула к лифтам. – Номер двенадцать двадцать два.

Лифты здесь были старой модели: недостаточно скоростные, с грузными дверями, которые задвигались медленно и со скрежетом. Пока бежала по коридорам, слышала только

биение сердца в ушах да собственное дыхание. Постучала и влетела в кабинет, где за столом сидел мужчина в белом халате. Увидев меня, он недовольно оторвался от созерцания чего-то на своем мониторе.

– Вас стучать не учили?

– Я стучала.

– Да ну?

Даже поднявшись, он оказался на голову ниже меня. Редкие жиденькие волосы были зачесаны назад, а глаза навыва-те, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит.

– Что вы хотели?

– Забрать виара. Сегодня его увезли из квартиры без моего ведома...

– Так-так-так, – мужчина сложил руки за спиной и приблизился ко мне вплотную.

Из окна его кабинета открывался чудесный вид на соседнюю стену.

– Эсса Ладэ, стало быть.

– Да. И я хочу забрать...

– Боюсь, это невозможно, – он осклабился так довольно, словно я лично нагадила ему в туфли и сейчас он получил возможность ткнуть меня в это носом. – Ваше животное совершило нападение на человека – это раз. Оно не зарегистрировано – два. У него не стоит кристалл – три. На вашем месте я бы был благодарен парню и его матери, которые решили не заявлять в полицию. Потому что в противном слу-

чае...

– Я не нарушала закон, и вы не имеете права...

– Хотите поговорить о правах? Да, закона, запрещающего содержать виаров без кристалла действительно нет, поэтому вы отделаетесь штрафом за отсутствие регистрации. На деле же вы держали дикое животное, подвергая опасности не только себя, но и младшую сестру. Таких, как вы, эсса Ладэ, нужно лишать опекунских прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.